

Омар Султанов
Магомед Султанов-Барсов

*Большой
Умахан*

Дошамилевская эпоха Дагестана

**Магомед Султанов-Барсов
Омар Султанов
Большой Умахан.
Дошамилевская
эпоха Дагестана**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22366635
ISBN 9785448352690*

Аннотация

Роман «Большой Умахан» – яркая историческая картина дошамилевской эпохи Дагестана второй половины XVIII в. В ней подробно описан ряд реальных и вымышленных сражений, аналогичные гладиаторским поединки горцев, набеги на закавказские ханства и княжества. На примерах главных героев, воителя Шахбанилава и философа Гамач-Гусейна, показаны ростки горской соборной мысли, актуальные для жителей Республики Дагестана по сей день.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

131

**Большой Умахан
Дошамилевская
эпоха Дагестана
Омар Султанов
Магомед Султанов-Барсов**

© Омар Султанов, 2016

© Магомед Султанов-Барсов, 2016

ISBN 978-5-4483-5269-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роман «Большой Умахан» – яркая историческая картина дошамилевской эпохи Дагестана второй половины XVIII в. В ней подробно описан ряд реальных и вымышленных сражений, аналогичные гладиаторским поединки горцев, набеги на закавказские ханства и княжества. Наряду с реальными историческими личностями авторы ввели в сюжет ряд вымышленных персонажей, обобщили реальные события с вымышленными в традициях классической литературы. На примерах главных героев, воителя Шахбанилава и философа Гамач-Гусейна, показаны ростки горской соборной мысли, актуальные для жителей Республики Дагестана по сей день.

Глава 1-я

Престолонаследник

Облако качнулось под западным ветром, открывая яркосинее небо, и солнце мгновенно озарило землю. Дворцовая площадь, старинный замок с высокой башней, соборная мечеть с минаретами и мавзолей доисламского владыки Сарира¹ показались на миг окрашенными в чистое золото.

– Смотрите, смотрите! – воскликнул уже не молодой воин по имени Чармиль Зар², одетый, в ожидании праздника, в стальную кольчугу и подпоясанный коротким мечом. – Это знамение неба, клянусь всеми горскими богами, родится тинануцал³! И будет он оваян такой славой, которая не доставалась еще ни одному из монархов в поднебесной!

Две принцессы, прекрасные, как ландыши в весеннем саду, уже росли у Престола. И теперь Правителю Аварии был нужен сын-наследник. Хунзахцы посмотрели на язычника хмуро, но возражать не стали. Вдруг и в самом деле родится долгожданный наследник – шайтаны подсказывают таким, как этот Зар.

¹ Аварское название страны, современные аварские районы Республики Дагестан. Здесь и далее примечания переводчика.

² Чармиль Зар (авар.) – фамилия и имя, соответственно, означает «стальной кулак».

³ Тинануцал (авар.) – принц, царевич.

Праздно беседующие уздени⁴ неприязненно оглянулись на восклицающего сильным голосом язычника. Хунзахцы недолюбливали его, но связываться с ним никто не хотел. Хоть и перевалило ему уже за шестьдесят, он был силен, как бык, не чета иному молодцу.

– Я хоть и не читал вашей священной книги, – продолжал ораторствовать Чармиль Зар, – но все мои скрижали говорят лишь о том, что родится великий воитель! И поверьте мне на слово, сыновья Бечеда будут ему покровительствовать! Да, да! А вы как думали? Ведь боги тоже нуждаются в услугах героев. И он, еще не родившийся Нуцал, бросит к алтарю горских богов столько золота и серебра, что все дочери вездесущей богини Берай⁵ влюбятся в него страстной любовью. Вот только не знаю, доживу ли я до этого счастливого дня. Мои боги еще не поведали мне об этой тайне...

– Ну, что ты вечно взываешь к своим истуканам?! – налетел вдруг на зашедшегося в красноречии язычника один из узденей, тоже одетый в сверкающую кольчугу и подпоясанный коротким мечом. Услышав голос Зара, этот уздень прибежал с другого конца площади. – Побойся лучше Бога Единого, Вечного и Всемогущего, который не нуждается ни в чьих услугах! И нет у него ни сыновей, ни дочерей, осли-

⁴ Северокавказское сословие свободных горцев, несущее воинскую повинность; соответствует русскому дворянству.

⁵ Берай – аварская богиня зрения и красоты, жена бога Бечеда, поселившегося со своим большим семейством на небе над Аварией.

ная твоя голова! И умрешь ты не позже, чем Он этого пожелает...

В отличие от длинноволосого и чисто выбритого Зара этот бородатый уздень по имени Ахмадилав был мелковат телом и угрюм лицом. Рядом с ним он казался немощным стариком, хотя и был рожден в том же, славном для Аварии, 1698 году.

На груди Ахмадилава висел большой бронзовый медальон с изображением волка и эзотерического знака, свидетельствующий о его принадлежности к высшему узденьскому сословию. Такие медальоны носили лишь имеющие воинские заслуги перед Престолом. У Зара заслуг было гораздо больше, но Дугри-Нуцал, отец ныне правящего Мухаммад-Нуцала, перед смертью запретил носить знаки чести тем, кто хранит верность языческим верованиям.

– Это кто не нуждается в жертвоприношении? – ехидно оскалился язычник. – Ваш Аллах?!

– Да, собачий сын, наш Аллах не нуждается в жертвоприношениях! – вздернув кверху красноватую от хны бороду, выкрикнул Ахмадилав.

– А Курбан-байрам, что, по-твоему, дырявая голова, не жертвоприношение?!

– Жертвоприношение, но... – Ахмадилав вскинул вверх руку и потряс перед носом язычника кривым пальцем, – это нужно не Аллаху, а самим людям, простым и вельможам, чтобы не гореть потом в аду.

– Да? А мне вот почему-то казалось другое...

– Это ты говоришь потому, что твои ослиные мозги еще не доросли до понимания вечной сущности Аллаха. Ты только подумай над мыслью: Аллах – вечен!..

– А мои боги, что, по-твоему, вчера родились? – хохотнул Зар, всплеснув руками. – Да знаешь ли ты, козел краснобородый, что даже самый младший из внуков Бечеда на тысячу лет старше вашего Аллаха! А теперь посчитай, сколько лет прародителям Бечеда! И если уж говорить о вечности, я так тебе скажу, единоплеменник мой спесивый, что за каждым веком был еще какой-то век и за каждым богом есть еще какой-то бог. И нет конца-краю водовороту вещей в природе...

– Кафирун⁶ проклятый! – аж подпрыгнул от негодования Ахмадилав, причем с такой прытью, что рассмешил окружающих. – Я могу доказать тебе, что ни внуков, ни прародителей, ни самого Бечеда нету на свете и быть не может! – рубанул он воздух рукой, словно мечом по чьей-то шее.

– Да-да, конечно, – закивали окружающие головами, выражая свою солидарность с Ахмадилавм. – Нет никаких богов, кроме Бога, и Мухаммад пророк Его!..

Зар выжидательно замолчал и стал высматривать среди гуляющих на площади мусульман хотя бы одного язычника. Их теперь в Хунзахе можно было пересчитать по пальцам, так мало осталось. А прыткий уздень, неплохой в прошлом воин, все продолжал наседать, доказывая свою мусульман-

⁶ Кафирун – атеист, безбожник.

скую правоту:

– Это качнувшееся облако, запомни, язычник проклятый, – знамение Аллаха! А боги, что ищут среди людей дружбу и нуждаются в жертвоприношениях героев и прочих жрецов-шарлатанов, – шайтаны презренные! И ты, Чармилъ Зар, друг и слуга шайтана! И отец твой был ширкуном⁷, и дед твой поклонялся истуканам... И вообще, тебя следовало бы предать шариатскому суду. Но Правитель наш Светлейший покровительствует тебе почему зря...

– Ха-ха-ха! – раскатисто рассмеялся язычник, трясаясь своим огромным телом и похлопал Ахмадилава по плечу. – Не буду я с тобой спорить, старина, считай, ты меня убедил... Ты же вроде бы спас меня в битве с бешеными⁸ хевсурами. Клянусь честью, я буду помнить об этом вечно! И даже там, в Аиде⁹, я останусь тебе обязан кое-чем...

– Обязан? – насторожено переспросил мусульманин, уже знающий, какие ловушки в ходе спора умеет расставлять этот язычник.

– Ну да. Я буду защищать тебя в Аиде от тех врагов Хунзаха, которых ты рубил во славу Престола. Ха-ха-ха!

– Опять ты за свое, шайтан! – вскипел мелкотелый уз-

⁷ Ширкун – язычник, многобожник.

⁸ В старину слово «бешеные» имело значение «воинственные»; похвальное замечание.

⁹ В древних дагестанских верованиях было немало заимствований из греческого и прочего язычества.

день. – Валлах, зря я тебя спас тогда...

– Спас? – скривил большой рот язычник. – Ну-у, это ты врешь, приятель! От хевсур меня спас не ты. Тебя самого оттуда вывезли побитого, как собаку. Что, забыл уже, дырявая голова! Нас всех тогда спасли цунтинцы... – Язычник громко хохотнул, видя, как сконфузился Ахмадилав, который почему-то недолюбливал цунтинцев, и добавил: – И пока ты лежал на земле беспомощный, я сражался с хевсурами, как лев. Ха-ха-ха!..

– Ты грязный лжец! – зашипел со злостью Ахмадилав. – Ты сам только что говорил, что я тебя спас...

– Я пошутил. Тебя, раненного в живот, самого спасли в том бою. Я еще рану твою прижигал, чтобы кровь остановить. Забыл? Эй, Махмуд! Мирзалав! – Зар замахал обеими руками. – Идите сюда, расскажите гордым хунзахцам, как мы сражались с хевсурами на Арагви и кто кого там спасал?

– Отстань, болтун! Надоели нам твои споры! – отмахнулись они.

– Ну, не хотите не надо, – не огорчился язычник. – Ты, Ахмадилав, сегодня врешь больше, чем вчера...

– Это почему так, чертов сын?!

Снующие на площади хунзахцы знали, что эти двое, язычник и мусульманин, неразлучные друзья, которых хлебом не корми, дай только поспорить о религии и воинских заслугах перед Престолом. Не угомонятся, пока совершенно не отупеют.

Бой же, о котором они говорили, действительно произошел на реке Арагви, когда Дугри-Нуцал послал полсотни хунзахцев для защиты грузинского князя Табидзе, попавшего в плен к разбойничавшим там хевсурам. И действительно, хунзахцы могли тогда не выбраться из окружения, если бы через реку Арагви в это время не переходил дидойский караван, сопровождаемый сотней воинов Гачи Невонского, потомка великих воителей из династии Невоби¹⁰. Завидя их, хевсуры панически завопили: «Дидойцы¹¹ идут! Дидойцы идут! Спасайтесь!»

А еще хунзахцам в том походе повезло потому, что встретился караван мусульманских дидойцев. Окажись там отряд китуриных дидойцев, исповедовавших все еще своих, очень воинственных богов, то, скорее всего, они принялись бы рубить и тех и других, чтобы всю добычу забрать себе. Предки же Гачи Невонского, как и сами хунзахцы, уже тысячу лет исповедовали Ислам, ровно столько, сколько самые ранние дагестанские мусульмане – лакцы, лезгины, даргинцы.

После того как отбили князя Табидзе, Гачи удовлетворился одним хурджуном серебра, а Дугри-Нуцалу, чьи воины приняли на себя неравный бой, грузинский князь обещал

¹⁰ Невоби (имя собственное) – братья-воины, основатели селения Нево (Мокок) в Цунтинском районе Дагестана.

¹¹ Дидоэтия – древнее название современного Цунтинского района Дагестана, а также ряда аварских районов.

свою малолетнюю дочь, столь же красивую, как и ее мать гречанка Элина. О красоте княгини Элины в те годы в горах Центрального Кавказа слагали песни. И когда ее дочь по имени Дариджа подросла, она стала второй женой старшего сына Дугри-Нуцала. Дугри-Нуцал умер через несколько лет, а его правящему сыну Мухаммад-Нуцалу ни одна из двух жен, даргинская и грузинская принцессы, еще не родила сына-наследника.

* * *

Споры о Боге и разных религиях были обычным делом в горах Дагестана. Для узденей, несущих воинскую повинность перед Нуцалом, было важно не то, кто во что верит, но то, кто как говорит и удивляет рассказами о неслыханных чудесах загадочного неба и мрачного чрева земли.

Чармил Зару частенько удавалось удивлять. Бывало, он сочинял на ходу истории о богах и демонах, о подвигах героев, которым помогают боги и богини. Не меньше интересовали людей и чудеса, творимые жрецами, которые якобы умеют раскрывать тайные кражи и убийства, что им-де подсказывают демоны о запрятаных вещах, о заговорах злодеев. Правда, Зар часто путался в своих сочинениях. Одну и ту же историю он, бывало, рассказывал по-разному, за что хунзахцы подымали его на смех. Но это ничуть не смущало его. Он отмахивался тогда, говоря, что стыдно битву проиграть, а придумывать истории о богах, демонах и героях – дело бла-

городное.

Когда-то Зар был сильным воином, способным прорубать через вражье войско дорогу. Он мог без устали махать огромным двуручным мечом от рассвета до заката. Теперь же, каждый раз при грозовых тучах, у него ныли раны, болели коленные и плечевые суставы.

Десять последних лет он обучал юношей владению мечом, пока однажды не подпал под проклятия алимов¹². В пьяном бреду он стал поносить их, говоря, что они исповедуют ложную религию. Его тогда едва не убили хунзахцы, но благодарные ученики, среди которых были и сильные воины – сотники войска хунзахского, заступились за него. Они обратились к алимам с просьбой простить их учителя во имя Аллаха. И алимы пощадили, благоговей перед именем Всевышнего, но обучать юношей воинскому мастерству с тех пор ему было запрещено, если только он не уверует в Аллаха. Он не уверовал.

Среди аварцев во времена Мухаммад-Нуцала Чармиль Зар был не единственным многобожником, у которого возникали проблемы с ревнителями мусульманской веры, и не единожды они бывали побиты, разорены, но до убийства дело редко доходило. Это случалось, лишь когда пьяный язычник позволял себя совсем уж грязную брань. Уздени, хотя и любят красноречие, ценят остроумие, но умышленные оскорбления не прощают даже ханам. Они веруют,

¹² Ученые, богословы (араб.).

по сути, в кого хотят, дружат с кем хотят: с русскими, грузинами или даже каджарами, ставшими заклятыми врагами после персидского вторжения в Дагестан. Уздень волен в своих делах и помыслах, лишь бы исправно нес воинскую повинность перед Престолом и был прилежным в обычаях.

Достопочтенные алимы, бродячие жрецы, все еще исповедующие древних богов, и прочие колдуны-гадальщики пророчили Мухаммад-Нуцалу сына-воителя, предсказывая еще не родившемуся монарху доселе неслыханные подвиги во славу Престола. Нельзя сказать, что Нуцал¹³ им верил, но одаривал серебром каждого, кто красноречиво лил бальзам на душу.

В рождении престолонаследника были очень заинтересованы и воинственные уздени, и богатые беки, и, конечно же, родственники ханш, как первой, так и второй. Восхождение к власти иного представителя династии – родного, двоюродного, а тем более, троюродного племянника правящего монарха – как правило, чревато смутой, переходящей в кровавую борьбу. Но когда у правящего Нуцала есть сын, чье право на Престол бесспорно, коронация становится настоящим праздником для народа. Ибо в этом случае оспаривать совершенно нечего.

Вот и молился народ, обращая свои молитвы к Единому Богу, знание о котором пришло сюда из знойной Аравии. Конечно, были и такие, кто все еще тайно исповедовал

¹³ Нуцал (авар.) – титул монарха.

горских богов, и они обращали свои молитвы к ним, освещая лучинами деревянные, каменные, а кто-то бронзовые статуэтки. Люди боялись, что зачавшая ребенка даргинская ханша и в третий раз родит дочь-принцессу, на радость чужим правящим дворам, а им, подданным Престола хунзахского, на досадные хлопоты... Ведь дочь Правителя все равно не отдадут за узденя или даже бека, как бы велики не были их заслуги. А если все же такое случится, то рожденные в этом неравном браке дети будут считаться чанками и преимущественного права на Престол иметь не будут.

* * *

Вдруг на площади все затихли.

На балконе замка появились придворные, среди которых был и молодой славный воитель Шахбанилав, за подвиги в прошлогоднем походе на Грузию назначенный Нуцалом Первым тысячником Аварии. С минуту народ взирал на придворных, затаив дыхание, потом резко шевельнулся, словно волна на морской глади. Люди двинулись к балкону замка.

Имам соборной мечети Басир-хаджи, хунзахский уздень, обучавшийся у алимов-сеидов, чья родословная уходила в глубокую древность – к овейанной вечной славой курейшитам¹⁴, молитвенно поднял руки ладонями вверх и громко произнес:

¹⁴ Курейшиты – арабийское племя, из которого появился пророк Мухаммад (мир ему).

– Алхамдулиллахи рабил’аламин¹⁵! Слушайте, правоверные! Слушайте и повинуйтесь во имя Аллаха Великого, дарующего и отбирающего жизнь! Ниспосылающего на землю блага от своих щедрот и поражающего бедствиями! Слушайте сладкую весть и возрадуйтесь вместе с ангелами чистыми... Только что в священных покоях Двора светлейшая ханша Аварии, даргинская царица Баху-уцминай, дочь правителя Кайтага Ханмухаммад-уцмия, родила Величественному и Светлейшему Владыке Аваристана сына! Да будет правоверным известно, что с этого дня...

– Чакаги тинануцал¹⁶!

Уже не слушая дальнейшую церемониальную речь духовного лица, народ взорвался радостным кличем. Уздени скандировали приветствие только-только явившемуся на свет монарху, пробуждая тишину Великого Аварского плато – равнины, окруженной суровыми горами.

– Хунзахцы! – воскликнул Шахбанилав, вскидывая к небу свои могучие руки. Подхваченная ветерком, его черная мантия зарделась изнутри красным, как огонь, шелком, от чего легкая стальная кольчуга сверкнула неземным светом. – Тишину и повиновение именем Престола! Выслушайте имама с честью!..

Народ сразу поутих, внимая просьбе своего любимчика – воина, в котором и стар и млад в Аварии не чаяли души.

¹⁵ Хвала Аллаху, Господу миров! (араб.).

¹⁶ Да здравствует принц! (авар.).

Не зря народ прозвал его Непобедимым – он не раз выводил войска из страшных ловушек, сокрушая и обращая в бегство врага. На его груди висел большой золотой медальон с изображением волка – символом вверенной Престолом власти над войском. Тот же рисунок был вышит золотом и на черной мантии.

– ...Да будет правоверным известно, – продолжил прерванную речь имам соборной мечети, – что в Доме нуцалов есть теперь прямой наследник Престола, равный всем престолонаследникам мира, как бы огромны ни были их страны и неисчислимы богатства их казны, ибо нуцалы ведут свою династию, освященную властью Пророка (мир ему), через Абулмуслим-шейха Сирийского...

– Но мы же это знаем, – бросил кто-то в толпе, пожимая плечами.

– Надо же подсластить и сладкое... – обронил еще кто-то, и люди снова пришли в движение.

– Какая Сирия?! Какой шейх?! – вспылил в толпе язычник. – Нуцалы – потомки Сариров, правивших Кавказом за тысячу лет до ислама!..

Но никто не разделил его мысль. Отворачивались, как от полоумного.

– Да будет над Домом амира¹⁷ правоверных аварцев безграничная милость и благоденствие Аллаха! Амин! – кое-как закончил церемониальную речь духовный сановник, по-

¹⁷ Правитель (араб.).

сле чего придворные удалились в замок.

Хунзахцы, что были заняты делами в своих домах, кузнях, суконных и кожевенных мастерских, услышав долгожданную весть, побросали работу и стали стекаться на площадь. Мужчины и женщины, юноши и девушки – все устремились на праздник. Все, кроме рабов...

Молодые уздени наряжались в тяжелые стальные доспехи с устрашающе грозными шлемами, выстраивались в стройные ряды на своих боевых конях и, гарцуя по кругу, размеренно ударяли мечами о круглые щиты. Этот ритм вызывал у людей ни с чем не сравнимое ощущение войны, славы и могущества. Иные воины поджигали фитили на мушкетных ружьях и стреляли в воздух, извергая снопы огня и дыма. Из ворот замка на площадь выбежали шуты, разодетые в волков, медведей, драконов и совсем уж чудных духов, вызывающих суеверный страх даже у взрослых. Следом появились музыканты: зурначи, барабанщики, пандуристы и танцоры. Прямо на площади вспыхивали костры, возле которых резали овец и бычков. Уздени лихо справлялись с забоем скота, сдирали шкуры и жарили туши мяса целиком, обильно поливая уксусом и ароматными настоями из горных трав.

Гимринский уздень заехал на арбе и, остановившись в центре площади, скинул холщовое покрывало с двух больших бочек. Народ возликовал, хотя иные бранились, взывая к запретам Аллаха, к священному шариату.

– Ну, какой, скажите, праздник без вина?! – отвечали им

многие, устремляя к виночерпию висевшие до времени на их поясах кубки и рога. – С вином и мясо жуется хорошо, и танцевать веселее!..

– Пейте, пейте, гордые хунзахцы! – приговаривал гимри—нец, разливая вино из медного черпака с длинной ручкой. – Пейте и знайте, что самое лучшее в мире вино я вам разливаю сейчас! Для вас старался, сок выжимал, бочки дубовые у дидойских купцов закупал. Оцените по достоинству...

– Ты это Расскажи тем, кто по Кахетии не странствовал и в погребках не ночевал с любвеобильными грузинками, – наполнив свой кубок, поддел виночерпия Чармиль Зар и вырвал-таки у окружающих столь недостающий ему смех.

– Что-о, разбойничья твоя голова! Хочешь сказать, что мое вино хуже кахетинского?!

– Не знаю, усердный садовод, сейчас попробую и скажу тебе прямо... – с ленивой хрипотцой ответил язычник, отхлебывая из серебряного кубка пахнущую солнцем и землей коричневую жидкость. Затем он двинулся к жарящемуся быку.

– Ничего, ничего, ты еще осоловеешь от моего вина! – бросил вдогонку задетый за живое гимринец, разливая в подставляемые сосуды свое прекрасное вино.

Осушив кубок, Зар срезал мечом небольшой кусок мяса и, быстро справившись с ним, снова подошел к телеге с вином.

– Великий мудрец Ибн Сина частенько лечил правовер-

ных вином, – приговаривал гимринец, разливая по кубкам. – Пейте, гордые хунзахцы, пейте, аварские кунаки, мое вино, оно зажигает кровь молодостью и даже унылому дарит веселье...

– Тебе, видать, хорошо заплатили, трудолюбивый садовод, – с ужимкой поддел его Зар, и окружающие снова прыснули смехом. – Вот и трудись на великом празднике с честью, ведь нечасто рождаются на свет наследники Престола.

– Да, нечасто, – был вынужден согласиться виночерпий.

Уздени, даже из числа ревнителй Ислама, понимая старую истину: «Из младенцев вырастают великие воины», – были так счастливы в этот день, что многие не заботились о шариатских запретах. Война, что ни говори, как считали уздени, дело настолько важное, что немного вина только укрепит их грешную душу. А как же иначе?! Не один, так другой враг норовит отобрать плодородные земли на юге и богатые зимние пастбища на востоке. То монголы далекие, то узбеки ретивые с Темурлангом пытались поработить Дагестан, но, получая по приплюснутым носам, откатывались назад и больше не возвращались. Затем крикливые персы повадились покорять непокоряемую, и тоже получили по полугреческим носам – ровненьким таким, если смотреть ниже горбинки.

– Представляете, – возмущался кто-то у жареного барашка, – эти спесивые персы имели дерзость объявить суннизм ложным Исламом, а Абулмуслим-шейха – самозван-

цем, не имевшим в своих жилах ни капли курейшитской крови. «Истинные сеиды – потомки пророка, – говорят персы, – только среди шиитов!» Так чего же они тогда не одолели Мухаммад-Нуцала?! Да-а, конечно, немало вилаятов они покорили в Дагестане, но когда Владыка Аварии поднял свои знамена, сам Надир-шах едва не попал в плен к дагестанцам...

– Да, да, верно говоришь, – вторил ему другой уздень, – плодородные аварские земли в вилаятах Джаро-Белокан, Закаталы, Елису, Тивидат не дадут каджарским ханам и грузинским князьям покоя, пока не присвоят себе. И кто эти земли убережет для аварцев, если прервется прямая нить престолонаследия?

– Сыновья Нажабат-нуцалай, – нашелся кто-то.

– Нет, – тут же возразили ему, – Аллах не дал им ни золотых мозгов, ни широкой души, вмещающей заботы о стране и своих подданных. Взрослые племянники Нуцала обеспокоены только своими удовольствиями. Мало им по сто рабынь, они по тысячу хотят, а рядом молодой уздень, имеющий воинские заслуги перед их Престолом, будет сохнуть без жены, так они ему даже лоскуток паршивого сукна не дадут, чтобы калым заплатить.

– Вот и промышляют буйные головы на больших дорогах. Разбойничают...

– Но сейчас явился на свет другой монарший отпрыск! Давайте возликуем с народом аварским и выпьем за его здравие!

– За здравие тинануцала! – тут как тут оказался рядом и словоохотливый язычник. – Воистину, слова твои верны, но попомните и мои: небу над Дагестаном было так угодно, чтобы в этот день и в этот час родился великий наследник великих Сариров, ведущих свое начало еще задолго до появления вашего ложного Корана.

Народ вокруг крикуна притих на миг. Неужели он опять начнет богохульничать и поносить религию Аллаха Всмогущего?! Его же изрубят на куски за такую дерзость! А тем временем в толпе празднующих Чармиль Зар удивительно тонко балансировал между остротами и оскорблением мусульманской веры. Его седые пряди волос, хорошо промытые по случаю намечавшегося праздника, серебряными кудрями ниспадали на кольчугу, заклепанную стальными ромбиками, проржавевшими местами от времени. У него было большое квадратное лицо, с двумя глубоко врезавшимися морщинами на щеках, и голубые пытливые глаза, вечно рыщущие в поисках острот и приключений. Но сейчас его старались не замечать. А приставать со своими беседами к гостям из Кайтага или еще откуда-то ни было он опасался даже в пьяном бреду, ибо знал, что бдительные нукеры схватят его и бросят в подземелье, где томятся нечестивцы-разбойники. Он говорил, обращаясь только к своим соплеменникам:

– О, дети греха и чести! Чем только подкупили вас арабские чалмоносцы? Неужто они мудрее наших жрецов, которых вы браните последними словами, хотя их благородству

завидуют огнепоклонники Тегерана и Хиндостана?

– Истиной Корана, дурья твоя голова, – бросил ему в лицо один из хунзахцев и быстро отошел в сторону, чтобы не ввязываться в долгий и бесполезный спор.

– Постой, постой, куда бежишь, как заяц от орла! – заорал возмущенный язычник, но мусульманин уже исчез в толпе народа. – Видали? Вот они, мусульмане, какие: огрызнулся и быстрее в кусты, чтобы по носу не получить стальным кулаком. Ха-ха-ха!.. Ничего, ничего! Веселитесь, спесивцы! Но не забывайте, что это мой Хунзах и что еще живут здесь такие гордецы, как Чармиль Зар и его верные друзья... Только что-то я их тут не вижу сегодня...

– Пейте, благородные уздени, пейте мое вино и позабудьте все свои обиды, ведь не каждый день рождаются престолонаследники! – приговаривал, между тем, разливая вино уже из второй бочки, гимринец. – Если бы и в третий раз аварская ханша родила бы дочь, то не лилось бы сейчас рекой, как в раю, мое славное вино. Но родился тинануцал, и оно пригодилось вам, благородные уздени и беки!..

– Истину говоришь, друг виноградной лозы! – расталкивая других, протянул свой кубок Зар. – Наполни мне его до краев, я хочу выпить за здоровье царевича. И попомните слова мои, спесивые хунзахцы: родился воитель, каких еще не знала земля под небесами Кавказа. А ведь к величию Престола этого царственного младенца я тоже приложил руку, сокрушая врагов ваших... А вы? Вы даже почтение мне

выказать не желаете! Быстрее мне вина, садовод вонючий! К тебе ведь воин аварский подошел, перед которым ты должен трепетать и кланяться!..

Но виночерпий не успел налить ему. Возмущенная толпа вытолкнула язычника, который так жалобно стал озираться по сторонам, что гимринец искренне сжалился над ним.

– Ну, что вы за люди, хунзахцы! Как можно отталкивать старого аварского воина от вина! Всем хватит, всем достанется, пусть он подойдет. Эй, язычник злословный, хоть и обозвал ты меня... но, так и быть, неси сюда свой кувшин...

– Что-о?! – возмутился Зар. – Вот этот прекрасный серебряный кубок, с красивейшими на свете узорами, ты называешь кувшином? Да знаешь ли ты, гимринец неучтивый, что своим неразумным словом ты обидел не только меня, но и бывшего его владельца, чья бедная душа с горечью взирает сейчас с небес Грузии...

– А ты, пьяница задиристый, не обидел владельца этого кубка, отобрав его у него? – подбоченился виночерпий, выпрямляясь на телеге.

– Вот, ослиная голова! – сокрушаясь вскричал Зар. – Как я мог его обидеть, если я сначала зарубил его и лишь затем забрал себе эту милую посудину?

– Ха-ха-ха!..

Зар опять вырвал у толпы одобрителный смех.

– Ладно, наливай ему вино, – расступились хунзахцы, под-

пуская язычника к бочке.

Зар наполнил свой объемистый кубок хмельным соком и мстительно заявил дожидающимся своей очереди:

– Вы орете, как шайтаны басурманские! Вы же все-таки аварцы, демон вас задерит своими когтями!

– Ах ты поганец! Пошел вон!..

– Какой наглец!

– А что вы хотели, он же язычник!..

– Пошел, пошел! – кто-то толкнул его в спину. – А не то отберем кубок и к судьям потащим на шариат!

Чармиль Зар, не будучи дураком, быстро отошел от телеги с вином, сделал несколько больших глотков и снова кольнул толпу:

– Во, видали этих мусульман! Смотрите, вино хлещут хуже кафилов позорных! Ха-ха-ха! Сладкое, да? Аллаха своего подзабыли, пока оно льется даром в ваши грязные животы!

– Хал чакаяв¹⁸, Чарам, мужчина! – воскликнул вдруг кто-то. – Даром что не мусульманин, а то бы он быстро навел в Хунзахе шариатский порядок!..

– Кто-о? Этот многобожник? Да гореть ему в аду! А нас, мусульман, Аллах в конце концов пожалеет и направит в рай, к прекрасным гуриям...

– ...Гуриям, у которых вместо волос – змеи, вместо глаз – горящие угли, а изо рта чадит мертвечиной...

– Заткнись, язычник, или я сейчас пожалуюсь на тебя ну-

¹⁸ Хвалебное восклицание (авар.).

керам!

– А что я такого сказал? – пожал плечами Зар, выпятив нижнюю губу, и ретировался.

– Да чтоб ты охрип на целый год и на два потерял дар речи!.. – крикнули ему вдогонку.

Люди смеялись, спорили, пили вино и ели мясо, отрезая его от вертящихся на костре бараньих и бычьих туш. И когда заиграли зурначи и барабанщики, споры сами собой прекратились. Народ начинал петь и плясать искрометную лезгинку. Кумыки, даргинцы, лезгины, лакцы и много других разноязыких дагестанцев пили вино, ели мясо и веселились безмятежно.

В огромный круг, где на дубовых табуретках играли зурначи и барабанщики, входили молодцы и, приглашая на танец женщин, преклоняли колени.

Царь веселья – тамада, в отличие от многочисленных шутов, был в серебристой маске благородного волка и управлял всем этим гуляньем, то останавливая танцы и приглашая в круг певиц и певцов, то снова давая зурначам и барабанщикам знак для оглушительно-зажигательной лезгинки.

Но вот среди прочих царь веселья вызвал, поклонясь, из толпы женщин сестру Шахбанилава, несравненную Халисай, овдовевшую несколько лет назад. Толпа замерла, когда она вышла в круг и взяла своими легкими, словно лебединые крылья, руками звонкий бубен.

– Во славу родившегося в этот благодатный час, – объ-

явила она своим красивым грудным голосом, и не у одного в это мгновение сверкнула грешная мечта: она была не только красноречива, но и сказочно хороша собой.

– Солнцеликий родился,
И померкли все лики!
Солнцеликий родился
Во славу отцов!

Пусть в ханских дворцах
В Поднебесной готовят
Красивых принцесс!
Стройных принцесс!

Мы скоро, очень и очень скоро
Невесту придем выбирать!
Невесту для нашего Владыки,
Рожденного в этот солнечный час.

Для нашего Владыки
Золотистые требуются лики.
Золотистые лики принцесс
Да затмятся пред солнцеликим...

Во славу новорожденного правителя хунзахская узденка пела, сочиняя на ходу, и ей это здорово удавалось. Каждое

слово песни чудесно ложилось на старинную мелодию.

– Кто эта женщина? – то и дело спрашивали приезжие, которым посчастливилось в этот день оказаться в Хунзахе и праздновать рождение престолонаследника.

Едва ли не все мысли, неуловимо клоня к греху, захватывала собой эта певунья, сама того не желая. О, да! Ею невозможно было не любоваться! Ее чистый, звонкий голос, когда она протяжно тянула слова песни, проникал в самое сердце слушающих. Халисай была из тех женщин, в которых трудно не влюбиться. Ей было всего девятнадцать, когда четыре года назад с двумя малолетними детьми она осталась вдовой. Ее муж был славным мастером, из-за любви к ней переселившийся из Гочатля в Хунзах. Четыре года назад он, распродав все свои товары в городе Аксае, славящемся богатым невольничьим рынком, возвращался домой в Хунзах. За отделанные серебром и золотом кубки, туры рога, костыли, посохи, трубки, шкатулки, подсвечники и много другое муж Халисай выручил тогда около трехсот серебряных рублей русской чеканки, превосходящей турецкую и персидскую чеканки. На дороге неожиданно возникли тогда разбойники. В завязавшемся бою купцов против злодеев погибли муж Халисай и еще несколько его товарищей. Разбойников-убийц не удалось найти, и смерть купцов оставалась неотмщенной.

– Песню, Халисай! Хотим песню о любви! – раздались голоса отовсюду, и красавица затянула новую, более захватывающую мелодию.

Двадцатитрехлетняя вдова была поистине красавицей, но гордые хунзахцы считали ниже своего достоинства брать в жены вдову, а тем более, с детьми, даже второй, третьей или четвертой женой. Но, завидя ее, многие облизывались, как вороватые коты, прицеливающиеся к сметане.

Халисай пела, ударяя в бубен своими белыми пальчиками, и, танцуя, пускалась по кругу, грациозная, как лань, плавно и стремительно одновременно. Она была одета в длинное шелковое платье вишневого цвета, перехваченное на гибкой талии тоненьким кожаным ремешком, сплошь заклепанным маленькими золотыми монетами. В ушах ее сверкали серьги с драгоценными камнями, а на высокой груди красовалось жемчужное ожерелье. Ее иссиня-черные волосы волнами ниспадали на плечи, а небесно-синие глаза лучились жизнью и красотой, завидя которые никто бы не сказал, что она уже мать двоих детей – лицо ее сохраняло девичью красоту. Ее красные сапожки на высоких каблуках рядом с чарыками иных женщин выглядели по-царски роскошно. Каждый молодец считал за честь выскочить в круг и отплясать перед ней лихого «коня» или бесстрашного «волка», но не у каждого хватало духа – истинные мужчины всегда робеют перед настоящими красавицами. Робеют, но при надобности воспаряют духом, точно орлы, взлетающие выше всех в чистом небе. Но есть на свете еще и третий сорт мужчин, которые не робеют и не воспаряют духом, созерцая женскую красоту, но давятся скрытой злобой и пошлыми мыслями.

Конечно, если бы Халисай была простой узденкой без могущественного покровителя, то к ней бы относились иначе, да и вряд ли она смогла бы прожить четыре долгих года без единого порицания, без сплетен о ложном благонравии. Но красавица была младшей сестрой славного воителя, еще не знавшего поражения ни в поединках, ни в военных походах. А посему тут едва ли нашелся бы храбрец, смеющий открыто выказывать свои мысли, не говоря уже о том, чтобы назначить Халисай свидание.

Среди прочих влюбленных в Халисай был и молодой салтавский воин-десятник по имени Шахрудин, состоящий в авангарде Нуцальского войска, восьмисотенного корпуса, несущего службу зимой и летом, днем и ночью, ибо грозная сила может понадобиться Правителю в любой день и час. Их называли «большими львами», а всех прочих узденей Аварии – «малыми». Как бы то ни было, воин из авангардного войска не имел права участвовать в народном веселье. «Большие львы» были при полных доспехах в своем лагере, расположенном в одной версте от Хунзаха, и могли выступить в поход по первому же сигналу. Лишь одна сотня воинов находилась в Хунзахе и смотрела за порядком среди празднующих рождение престолонаследника.

Шахрудин, влюбленный в сестру первого тысячника страны, являющегося начальником и наставником его, видел Халисай издалека. Его конный отряд стоял за площадью на некоторой возвышенности, но зоркий глаз воина без-

ошибочно выхватывал в чернеющей толпе ту единственную и несравненную, что закралась в его храброе сердце. Вот только голос ее, смешанный с десятками других и заглушаемый многочисленными зурначами и барабанами, не мог сюда долететь отдельно, чтобы хоть на короткий, как искра, миг, насладиться им. Никто из товарищей не знал о его тайном чувстве к Халисай. Шахрудин часто видел красавицу-вдову, когда по делу или под каким-нибудь предлогом приходил в дом тысячника.

Салатавский десятник после некоторых колебаний снял шлем с головы, бросил поводья коня одному из воинов своего отряда и пошел на площадь, в гущу народа, чтобы хоть на мгновение услышать прекрасный голос своей тайной возлюбленной и встретиться с глазами, как ему казалось, дарующими поистине райское наслаждение. Он знал, что не имеет на это права. Но если он быстро вернется к отряду, вряд ли кто его хватится. Да и что такого может произойти за коротенький, как искра, миг!

– Спой, красавица, про любовь!.. – крикнул кто-то, когда Халисай закончила петь во славу новорожденного царевича.

– Да-да, спой про любовь, несравненная Халисай!

– Твои песни самые страстные в Хунзахе!

Зурначи и барабанщики умолкли, желая послушать одну из самых лучших певиц Аварии, а двое с пандурами подобралась поближе, чтобы аккомпанировать ей. И Халисай, играя на бубне, запела красивую старинную песню:

– Весна моя – твои глаза,
И сад мой лишь твои слова.
Земля моя – руки твои,
Цветы мои – губы твои...

– Громче, красавица, громче! – воскликнул кто-то из толпы восторженно.

– Ярче зажигай! – тут же вторил другой мужчина, в голосе которого не было ни малейшего оттенка пошлости, как, впрочем, и у первого.

А Шахрудин стоял в толпе бедных и богатых узденей, забыв об обо всем на свете, и глядел на Халисай, сливаясь с ее песней, с ее чарующим голосом, замороженный и восхищенный, как никогда.

Люблю ли я тебя?
Меня не спрашивай.
Меня не спрашивай,
Как я люблю тебя!

Весна моя – твои глаза,
И сад мой лишь твоя душа...

Но тут слева донеслось до ушей салатавца чье-то непристойное замечание... Это явно касалось красивой певуньи,

но уши Шахрудина отказывались верить в это. Как можно так отзываться о красивой женщине – олицетворении чистоты, красоты и благородства?!

Справа от молодого воина стояли кумыки, за ними даргинцы, лезгины... Он повернул голову влево и увидел крепко сложенного мужчину лет тридцати, поговору которого не трудно было догадаться, что он хунзахец, а по богатой одежде – неизвестно кто, может, бек, а может, просто уздень из богатых. Как бы то ни было, скрепя сердце, Шахрудин заставил себя отвернуться от надменного лица незнакомца. Но мужчина еще раз озвучил свои пошлые мысли, которые, по всей видимости, нравились трем его товарищам, пожирившим глазами красивую певицу.

– Ты про кого это сказал? – Шахрудин, не помня себя от возмущения, шагнул к незнакомцу и хлопнул его по плечу.

– А тебе какое дело до моих слов, холоп неотесанный? – мужчина лишь коротко оглядел молодого воина и, не находя на нем ничего впечатляющего – простая старая кольчуга, короткий меч на сыромятном ремне с железной бляхой, истоптанные чарыки из толстой кожи и никакого символа власти на груди, замахнулся кулаком. Угодил он Шахрудину прямо по носу, но вскользь, даже кровь не пошла.

Шахрудин же, не долго думая, врезал кулаком по лицу пошляка так, что наглец в парчовом бешмете и сафьяновых сапогах упал под ноги толпы, но быстро вскочил на ноги

и прикрикнул на мужчин, стоявших с ним, которые, как выяснилось, оказались его нукерами. В следующее мгновение молодого воина схватили трое и потащили с площади. К месту драки быстро подтянулись нуцальские нукеры и попытались разобраться в их ссоре. Но сын бека и узденки – чанка¹⁹ – грубо оборвал их. На вопрос нукеров, что, мол, тебе, малый галбац, понадобилось от сына Пайзу-бека, салатавец не мог ничего ответить. Ему было стыдно говорить о том, что он услышал из уст нечестивца. И хотя многие видели, что первым ударил чанка, никто из свидетелей не спешил с заявлениями. Старший из нукеров предложил молодому воину выплатить штраф чанке, но сын бека не дал воину ответить на вопрос, заявив, негодуя:

– Какой штраф может заплатить грязный и нищий холоп?!

На поединок его со мной! На поединок!..

– Я не холоп, но воин Престола! – заявил салатавец. – И если кому-то придется заплатить, то это тебе за грязный язык, нечестивец!

– Тогда защищайся, собачий хвост! – чанка выхватил короткий меч из ножен своего нукера, на его же поясе висел небольшой позолоченный кинжал, и, не давая молодому воину опомниться, нанес первый удар, норовя угодить точно в голову. Но нет, не достиг цели чанка: ловкий салатавец – слабых воинов не держат в авангарде – как тень, ускользнул

¹⁹ Чанка (авар.) – дитя неравного брака, когда один из родителей представитель высшего сословия.

в сторону.

– Поединок не освящен именем Нуцала!.. – нукеры пытались еще остановить схватку, но чанка их не слушался, оставивать же силой сына влиятельного бека они не посмели.

В следующее мгновение Шахрудин тоже выхватил из ножен свой короткий меч и легко стал отражать удары.

Тем временем старший из нукеров побежал к замку...

– Ты без кольчуги, лживый чанка, – бросил Шахрудин, уверенно скрещивая с ним свой меч, – подожди, пока я тоже буду без нее, чтобы сравняться нам...

– Таких трусливых шакалов, как ты, не спасет ни кольчуга, ни ложь!

– Боишься, что я расскажу, какими словами ты брызнешь на празднике?.. Аллах свидетель тому, что лжец – ты, а не я! – крикнул в ответ молодой воин и, не переставая сражаться, стал расстегивать боковые застёжки на своей кольчуге. Кое-как сбросил с себя стальную рубаху. – Если я одолею тебя в кольчуге, меня обвинят в неравном поединке, но теперь ты узнаешь, каково врать и браниться!.. – крикнул Шахрудин и ринулся в атаку, осыпая наглеца мощными ударами, от которых тот едва успевал защищаться. Салатавец прижал его к стене караван-сарая, безостановочно ударяя по его мечу, но так, чтобы не зарубить насмерть, а выбить из его руки клинок. Чанка, осознавший превосходство молодого воина, тяжело дышал от усталости и слабо держался на ногах. В его бешено вращающихся глазах застыл ужас,

перекошенный в диком страхе рот уже не извергал словесной брани. Было видно, что он теперь недоумевает, откуда у простого воина столько силы и мастерства рубки. От смерти чанку-пошляка теперь отделяла лишь добрая воля салатавца. Шахрудин уже несколько раз мог зарубить чанку, но не делал этого, не желая нажить могущественных врагов: имя Пайзу-бека было широко известно во всей Аварии.

Молодой воин еще надеялся быстро расквитаться с оскорбителем его тайной возлюбленной и вернуться к своему отряду. Но в один миг он расслабился или задумался, как лучше выбить меч у противника. ...Уголками глаз он заметил чье-то красноватое платье... Неужели это она?..

И вот оно, досадное мгновение! Чанка нанес удар. Его меч, рассекая воздух, летел прямо в голову салатавца, не защищенную шлемом. Клинок чанки мог бы надвое расколоть его череп, если бы он не успел... А успел он лишь подставить левую пустую руку, одновременно скользя вправо. И что же? Голову-то он спас, а вот кисть левой руки, срезанная словно кусок палки, упала на землю. Воин авангарда не дрогнул, не смяк, но одним точно выверенным ответным ударом пронзил чанку насквозь. Кончик клинка выглянул из спины, и на землю чанка упал уже мертвый.

Шахрудин, как обучал его сам Шахбанилав, снял с пояса тонкий кожаный шнур, предназначенный для жгута или удавки²⁰, одной правой рукой намотал на укоротившуюся те-

²⁰ Факты использования удавок у дагестанских горцев описаны итальянским

перь левую конечность возле локтя и, подобрав с земли какую-то щепку, затянул его. Все это он делал без стенаний и быстро. Нукеры убитого чанки были в страшной растерянности, но потом спохватились и порывались было зарубить раненого воина, нарушая тем самым священный для всех народов мира закон поединка. Негодование толпы заставило их отступить и вложить мечи в ножны. Минутой позже прибежали нукеры с приказом Нуцала бросить всех драчунов в подземелье.

Нуцальские нукеры забрали мечи у нукеров уже мертвого чанки и повели их, подгоняя остриями своих копий, в подземелье. Следом повели и салатавца, из раны которого все еще струилась кровь. Одного жгута мало, чтобы остановить ее, особенно если приходится стоять на ногах и двигаться. Проходя мимо костра с жарящимся бараном, Шахрудин попросил головешку. Ему дали горящую палку и... Видевшие, как салатавец сам прижег рану, не издав при этом ни единого звука, были восхищены им. От запаха и боли голова его пошла кругом, но, собрав в кулак всю силу воли, он удержался на ногах. Главное, кровь остановилась. Теперь ему не грозит смерть от потери красной влаги жизни, в которой, как утверждают некоторые богословы, обитает душа, словно рыбка в море. Разве что диван-визирь приговорит его теперь

путешественником Валентием Каморрой. Удавки применялись для снятия чашовых или убийства какого-либо высокого лица, пробравшись в стан врага без оружия.

к смертной казни, и широченный меч палача после праздника отсечет ему голову...

«Ну и пусть, – думал про себя салатавец, – мог ли я не наказать пошлого чанку? Не потребовать взять свои слова обратно? Нет, не мог. Хотя, видит Аллах, я не хотел его убивать...»

В толпе народа пошли разговоры, что Шахбанилав обучает больших галбацев воинскому мастерству так, что они не чувствуют боли, хоть ты их на куски разруби, хоть в пылающее пламя брось! Галбацы, обученные Шахбанилавом, – самые сильные в мире воины...

* * *

Великий праздник продолжался.

Гонцы с приглашением на праздник были отправлены ко всем правящим в Дагестане дворам. Основная часть празднования рождения престолонаследника могла начаться лишь по приезду в Хунзах иных правителей.

Поединок со смертельным исходом несколько не омрачил праздник: смертью от меча тут не удивишь даже ребенка. По обычаю, летние ссоры хунзахцев, равно как и аварцев, из множества иных сел переносились на зиму, когда хлеба были убраны и сено заготовлено, между желающими поквитаться друг с другом начинались освященные Нуцалом поединки на мечах, главном воинском оружии. В Хунзах, чтобы посмотреть эти поединки, съезжались уздени и беки

со всех концов Дагестана. В иную зиму все караван-сарай Хунзаха были переполнены приехавшими. На таких поединках гибли сильные воины, но далеко не все они заканчивались гибелью одного из дерущихся. Сумевший выбить оружие из рук противника, как правило, проявлял великодушие, а уронивший оружие в поединке признавал противника победителем и больше не ссорился с ним.

Но сейчас, едва трех нукеров убитого чанки и молодого воина увели в подземелье, на площади вновь заиграли зурначи и барабанщики, и вновь лихие молодцы-уздени – потомственные воины аварского Престола – пустились в пляс со стройными аварками. Если не брать во внимание этот досадный инцидент с честолюбивым салатавцем и крикливого язычника Чармиль Зара, столь ненавистного ревнителям Ислама, аварцы, иноземные купцы и дагестанцы из других ханств веселились без ссор и обид.

* * *

Мухаммад-Нуцал – Правитель Аварии – был старшим сыном Дугри-Нуцала, погибшего в боях с грузинскими князьями еще задолго до персидско-горской войны. После многовекового арабо-персидско-турецкого господства в Закавказье грузинские князья все больше набирали силу, а дагестанские горцы, как, впрочем, и другие северокавказские народы, не знавшие в своей истории никакого господства над собой, жили инертно, как и тысячу лет назад.

Нуцал сидел в кресле, застеленном пятнистой шкурой леопарда, в окружении родных, близких и дорогих гостей. Было видно, как он сдерживает свою радость, соблюдает правила, приличествующие Правителю. А не то вскочил бы из кресла, как обезумевший от счастья юноша, и пустился бы в пляс, точно лихой уздень, перебравший вина. Но Мухаммад-Нуцал как амир правоверных не пил вина; во всяком случае никто не замечал его за этим противным Аллаху занятием. Бывало, правда, он процеживал пенистую бузу, особенно дидойскую, которую привозили ко двору в качестве подарка купцы, торгующие в Хунзахе хвойным маслом для светильников и лампад.

Улыбка на светлородом лице Нуцала, разом зажженная придворной повитухой, первой сообщившей о рождении мальчика, уже не угасала даже на мгновение. Он едва находил в себе силы, чтобы не кричать, не петь от радости, сорвав со стены пандур, висевший среди мечей, как символ радости и горской поэзии. Его то и дело порывало броситься в женскую половину покоев, откуда доносился необыкновенно громкий плач новорожденного. Но это было бы, по обычаю, неслыханным бесстыдством: даже Правителю не подобает являться туда, где женщины заняты своими святыми делами. А потому и сидел он скромно, как того требуют горские нравы, в кругу родных и близких, а также дорогих гостей, лишь принимая поздравления и подарки.

Благодарил он всех, даже рабов, которым, конечно же,

нечего было дарить своему господину, да и не имели они такого права: всякая вещь, которую найдет, отнимет или заработает раб, принадлежит его господину. Но, прислуживая за длинным дубовым столом, поднося на серебряных блюдах жареное мясо, плов с черносливом, творог из овечьего молока, перемешанный с изюмом, тонкие блины с медом и кувшины с легкой пенистой бузой, рабы и рабыни умудрялись поднимать глаза на Повелителя и кротко молвить слова поздравлений, выражая тем самым непритворную радость за Дом нуцальский, в чьей собственности им жить и умирать.

– О, наш Пресветлый Повелитель, благословен час и день, в который родился ваш сын – наш новый Владыка...

– Благодарю, дитя кротости, – снисходительно отвечал Нуцал своим рабам, называя каждого по имени, что являлось для них высшей наградой среди прочих немногих удовольствий, которых удостоиваются и невольники в этой бременной жизни.

Празднующие сидели в большой светлой комнате с застекленными арочными окнами и утопающей в роскоши: персидские шелковые ковры на стенах, со столь искусными рисунками, на которых были изображены райские кущи, сказочно красивые женщины, что их можно было принять за небесных гурий, которых Аллах обещал в Коране правоверным, а также богатыри в кольчугах.

За длинным дубовым столом сидели три визиря: Абура—хим, Муслим-хаджи и Хасан-даци; молодой военачальник

Шахбанилав; четыре самых авторитетных хунзахских алима, среди которых был и Басир-хаджи; один молодой философ по имени Чармиль Гамач, знающий греческий, латынь и арабский языки не хуже своего родного аварского. О его уме и мудрости по Дагестану ходили легенды. Это был мудрец, поистине, способный запутать в споре любого богослова, полководца или даже самого правителя, конечно, если на то будет соизволение Мухаммад-Нуцала. Но он, как и его родной дядя Чармиль Зар, пользовался у аварцев дурной славой – безверия. Десятым среди приглашенных был уже немолодой гоцатлинский бек Исалав-хаджи, прославившийся в набегах на северные равнинные земли – Газбегию и Шатбегию²¹. Исалав-хаджи-бек являлся прямым представителем династии Сариров и Мухаммад-Нуцалу доводился двоюродным братом. Присутствовали также Белоканский и Закатальский беки Омар-хаджи и Али-хаджи, тоже из династии Сариров, состоявшие уже в четвертом колене родства с Мухаммад-Нуцалом; чеченский воитель Иса-хаджи, известный своей страстью совершать набеги на русские поселения, все ближе и ближе продвигающиеся на юг; два арабских купца, поставлявшие к нуцальскому двору шелка, парчу, бумагу, книги и пряности и увозившие из Аварии среди прочих товаров бронзовые статуэтки, целебные и ядовитые травы, медвежьи и волчьи шкуры; шурин из Кайтага Ами-

²¹ Древнекавказские названия территорий: бассейн р. Терек – Газбегия от истока реки на горе Казбек) и Шатбегия (от истока реки на горе Шат, т. е. Эльбрус).

нула-уцмий, известный своей религиозной ученостью; родной брат Мухаммад-Нуцала Мухаммадмирза-хан и пятеро их родных племянников.

Мухаммадмирза-хан делал все необходимые распоряжения, связанные с праздником и приглашением в Хунзах дагестанских правителей. Иногда в комнату забегал восьмилетний сын Мухаммадмирзы-хана Булач и играл для пирующих на тонкой свирели. До этого дня наследным принцем Аварии был он, продолжатель династии по мужской линии. А пятеро племянников, сыновья сестры Мухаммад-Нуцала и его младшего брата Мухаммадмирзы-хана, представляющие собой женскую ветвь династии, могли претендовать на Престол лишь в случае отсутствия продолжателей династии по мужской линии. Но теперь закон отодвигал их со вторых позиций на третьи, а восьмилетнего Булача с первой – на вторую.

Но ни младший брат Правителя, ни племянник восьмилетний, который уже понимал различия в сословиях и титулах, как замечал Нуцал, не были огорчены рождением его сына, первого наследника Престола. Напротив, по всему было видно, что они несказанно рады пополнению династии. И то правда! Власти и богатства хватит на всех мужчин правящего дома, лишь бы ума и силы хватило на умножение этой самой власти и богатства.

Наконец, младенца-тинануцала, завернутого в белоснежные пеленки, принесли к пирующему Правителю, которому судьба подарила-таки сына-наследника на пятидесятом го-

ду жизни. Он еще не видел таких крупных и полных жизни младенцев. И какому отцу не покажется, что совершенством мира явился на свет именно его сын?! Бережно и с каким-то трепетом он взял в руки завернутого в пеленки младенца и залился громким счастливым смехом. Но, похоже, новому человеку что-то не понравилось в этой счастливой компании: младенец зашелся звонким, чуточку кряхтящим плачем и так сильно задвигал ручонками и ножками, что Мухаммад-Нуцал даже испугался и быстро вернул младенца по-витухе.

– Народ ждет тебя, Светлейший, с тинануцалом, – официально и торжественно обратился к правящему брату Мухаммадмирза-хан.

– Идем к народу, – сияя от счастья, приказал Правитель и поднялся из-за стола.

Едва Мухаммад-Нуцал появился на балконе замка, как тут же замолкли зурначи, замерли барабанщики, а народ взорвался громким приветствием:

– Чакаги Нуцал ва тинануцал!

– Чакаги Гвангарав²²!

– Чакаги тинануцал!

Мухаммад-Нуцал выждал, пока смолкнут громкие волны народного восторга, и, повернувшись к стоявшей за его спиной женщине, взял новорожденного сына в свои царственные руки и поднял его высоко над головой.

²² Один из титулов монарха – Светлейший (авар.).

– Вот мой сын – тинануцал! Радуйся и веселись, мой народ! Если будет на то воля Аллаха, он навсегда закрепит за аварцами наши священные земли на юге и на северо-востоке!

– Чакаги Нуцал ва тинануцал!

– Чакаги Гвангарав!

Народ долго скандировал не умолкая.

В волнах восторженных кличей тонули религиозные возгласы типа «инша Аллах», «рахим Аллах» и общерелигиозное «амин», поскольку таковых было мало – Престол власти всегда побуждает к деятельности. Только вот препятствий, видимых и невидимых, огромное множество...

Правитель передал громко плачущего младенца обратно повитухе, которая сразу же удалилась с ребенком в женские покои. После этого Нуцал произнес перед изрядно повеселевшим от выпитого вина народом речь, поблагодарил за искреннюю любовь и преданность Престолу.

К полуночи площадь опустела.

Люди разбрелись по домам и караван-сараям, оставив после себя золу от костров, горы обглоданных костей и прочего мусора, который рано утром уберут нуцальские рабы и чисто выметут площадь, чтобы снова ликующий народ праздновал рождение престолонаследника.

Глава 2-я

Убийство язычника

Вольнодумие и острословие язычника на площади не остались без последствий. Седовласого воина по имени Чармилль Зар, так и не снявшего с себя кольчугу в этот день, нашли утром заколотым его же собственным мечом. Чармилль Гамач, вхожий в близкий круг Нуцала, рискуя прогневить алимов и прочих ревнителей Ислама, посетил-таки семью язычника. Все-таки родной дядя, брат его матери!

Главу семейства оплакивали четверо сыновей и пятеро дочерей вместе со старшими внуками, уже понимающими, что такое рождение и смерть.

– Подлая рука, о, боги, – причитала жена убитого, – вынула из ножен мертвецки пьяного меч и вонзила ему в грудь, прорвав кольчугу! О, сыновья Бечеда! Как же вы такое допустили?! Зверь трусливый решил показать свою силу, а вы, боги могущественные, лениво взирали со звездного неба!

– И вот теперь лежит он в просторной кунацкой, с торчащим из груди собственным мечом!.. – подал голос один из сыновей убитого.

– Я заклинаю вас, боги! – вскричала в истерике и старшая дочь убитого. – Я предам богов презрению, если они не отомстят за отца моего славного! Отныне не будет тебе, богиня Берай, ни единой жертвы, ни единого поклонения, пока ты не ослепишь убийц! Смерть убийцам! Смерть!..

Через большие застекленные окна – Чарамы жили сравнительно богато, в отличие от соседей, чьи окна в домах бы-

ли обтянуты бычьими пузырями, – ярко струился утренний свет. Гамач внимательно разглядывал выражения на траурных лицах двоюродных братьев и сестер. Взрослые сыновья сидели у стены, увешанной дорогим оружием, а пятеро дочерей и двое внучек плакали у распростертого на длинном обеденном столе холодного тела, то и дело взывая к богам с мольбой и даже с проклятиями.

– О, великий Бечед! – говорила мать семейства, жена убитого. – Покарай во имя справедливости своего подлого сына – бога Маха, которому столько лет приносил свои дары мой возлюбленный, отец детей моих и дед внуков моих. Как он мог, о, великий Бечед, допустить убийство героя, пока он был пьян и неспособен защищаться?! Покарай бога Маха, прикуй его к скале, чтобы вороны клевали ему печень, чтобы орлы выкалывали ему глаза, а молнии разили его и днем и ночью, как Прометея, подарившего людям огонь, чтобы зло двигало родом человеческим... А еще, о, великий Бечед, покарай богиню Ла, она тоже ответственна за моего возлюбленного, ибо и ей приносил несчастный свои дары...

Гамач снял с головы легкую, тонко выделанную овчинную шапку с острым высоким верхом, вынул короткий меч из дорогих серебряных ножен и, поцеловав его, положил у холодных ног покойного. Затем пристально посмотрел в лицо убитого – оно было гладко выбритое и безмятежное. Похоже, он и в самом деле был мертвецки пьян и не почувствовал чьего-то разящего, очень сильного удара.

– О, небо! О, лики предков! – воскликнул Гамач, схватив обеими руками свою светло-русую голову. – Как же так? Кто был рядом?

– Даже звери голодные не поступили бы столь подло, как эти мусульмане! – запричитала вторая дочь убитого. – Нет гадины ни на земле, ни под землей столь злобной и бессердечной, как мусульмане!

Гамач, известный своим равнодушием ко всяким религиям, в том числе и к Исламу, внутренне передернулся от слов плакальщицы, обезумевшей от горя. Перед его умственным взором невольно пронесли картины из латинских и греческих книг: «...В переполненных амфитеатрах ликует языческая аристократия, а бедных фанатиков, не имеющих сил отказаться от веры в Христа, как в единого Бога, подгоняя длинными копьями в спины, выводят на арену цирка. И там, под экстатическое ликование зрителей, выпускают из клеток голодных львов и тигров. Толпа несчастных человечков и свора свирепых зверей какое-то время молча взирают друг на друга. Наступает страшная тишина. Люди в страхе прижимаются к стенам арены, а звери бродят взад-вперед, вперив в онемевших от страха людей желтые, налитые кровью глаза. Первые мгновения что-то пугает безмозглых тварей, они не спешат, хотя и голодны, подбираются основательно, ибо их пустые мозги вмещают лишь инстинкт приема пищи, ради которого они будут биться насмерть с кем угодно.

Но вот раздались первые, нерешительные рыки тигров,

следом зарычали более свирепые львы и... О, Боже Правый! Как Ты мог допустить... Мгновения застыли в умах и сердцах языческих аристократов, жаждущих зрелищ и вина. Их утонченный эстетизм и познания добра и зла оказались слабее ожидаемых впечатлений.

На дальних, избегающих вверх ярусах – свободные граждане Рима, их много. Их тысячи. И не все они в восторге от чудовищного спектакля, но сердобольные ничем не могут помочь несчастным христианам. И более того, они вынуждены скрывать от патрициев и, тем более, сенаторов свои мысли по поводу происходящего...

Вот первый зверь, ближайший к обреченным, напряг свои могучие, стальные мышцы, шагнул раз, шагнул два, подошел уже очень близко. За ним подтянулись и остальные бездумные, клыкастые твари, поедающие все живое, за что только можно уцепиться зубами. Кто-то из фанатиков, убежденных, что воскреснет даже в желудке зверя, тут от страха теряет рассудок и падает. А зверь, привыкший наступать добычу, прыгает на несчастного, вонзаясь в уже бесчувственную плоть зубами, и тащит его, пытается скрыться с добычей, но кругом кольцообразная стена, спрятаться негде. К нему полегает другой зверь и тоже вгрызается в человека, рвет его на части... Раздаются душераздирающие крики, вопли, визги, прижавшихся к стенам людей ожидает та же участь. И точно: крики и стоны обреченных подстегивают голодных зверей, они разом кидаются на них, рвут на ча-

сти, поедая на глазах многотысячной толпы христиан. Кровь пьянит клыкастых тварей, как вино – аристократов, которое они пьют из золотых и серебряных кубков, глядя на этот сущий ад...»

Философ встряхнул головой, отгоняя невольные мысли, а ослепленная горем плакальщица все продолжала причитать.

– Грязные ублюдки, предавшие аравийским предрассудкам, поносят наших добрых богов и убивают сонных героев. О, проснитесь же, боги наших гор! Обрушьте свои скалы на всех мусульман! Сотрите их с лица нашей священной земли!..

– Мама, потише, потише, тебя ведь могут услышать, – коснулась плеча плакальщицы десятилетняя девочка с умными голубыми глазами.

– Будь они прокляты, я их не боюсь!..

Мужчины хранили немое молчание, лишь изредка переговариваясь шепотом.

– Он, наверное, даже не видел убийцы, – размышлял Гамач.

– Зато небо его видело, – тихо, сквозь стиснутые зубы, произнес Хасиль, второй сын Зара, – и оно должно дать нам час и день мести.

Хасиль был в этом семействе самым сильным и в походах под знаменами Нуцала уже успел отличиться как храбрый воин.

– Они не скрываются. Убили отца на глазах наших рабов, которые несли его домой мертвецки пьяного на спине. Заставили бросить на землю, вынули его же меч. И... – третий сын убитого умолк, сжимая кулаки.

– И кто же он, убийца? – спросил Гамач. – Неужели Ахмадилав?

– Нет, это был Абдурахман и его родственники.

Гамач размял руками онемевшее от напряжения лицо. Он не знал, что делать, как утешить двоюродных братьев и сестер, а главное, как их спасти от очень возможных теперь новых нападений. Мухаммад-Нуцал, хоть и признавал заслуги за покойным, но вряд ли станет вершить правосудие над мусульманином за убийство язычника. Он не сможет даже осудить убийц Зара, не рискуя навлечь на себя гнев и проклятия алимов. Хунзахские, правда, не осмелятся, но аргванинские, акушинские и многие другие не замедлят выступить с враждебными Нуцалу проповедями. Безудержный нрав Зара к религиозным спорам рано или поздно должен был печально закончиться: все-таки Хунзах мусульманский город, а Дагестан – страна исламская, хотя и не все горцы еще приняли эту аравийскую религию.

– А где ваши жены и зятья? Я их что-то не вижу здесь...

– Наши жены и мужья наших сестер побоялись гнева мусульман и ушли к своим родичам, – ответил старший сын покойного, который теперь по обычаю должен был стать главой семейства. – Ну и пусть, мы их не виним... Зачем они нам,

исповедующие две религии: верования отцов и дедов наших вперемешку с аравийской дурью...

Этот упрек отчасти касался и Гамача, который не разделял их языческих убеждений и не участвовал в мистериях, проводимых в горах, вдали от мусульман, или в тех немногих храмах, которые еще сохранились в более терпимых к инаковерию аварских селах. Но философ не обратил на это внимания. Его сейчас волновало другое.

Поговорив еще немного, Гамач с удовлетворением отметил для себя, что нет в них той слепой злобы, что способна погубить все семейство. Не горят они безумной яростью, чтобы выйти и сейчас же открыто бросить вызов убийцам отца. Это их быстро погубило бы, а сестер и детей обратило бы в рабство. Лишь затаенная жажда мести тлела в их языческих сердцах, которые болят и радуются независимо от убеждений. И благо, если они хоть сейчас поняли, что времена мирного сосуществования язычества и дарованного миру знойной Аравией единобожия закончились.

«О, да, закончились, – размышлял про себя философ, – и не скоро теперь вернутся, хотя история имеет обыкновение повторяться. Раньше, при Дугри-Нуцале, спорные вопросы, в том числе по тяжким преступлениям, таким, как убийство пьяного узденя, решались судом, освященным именем Престола, невзирая на вероисповедание горцев. Теперь же в Хунзахе так или иначе главенствуют алимы, беки и разбогатевшие в походах уздени, если только сам Нуцал не вме-

шивается в тяжбу. Род же Чарамов, хоть и восходил к нуцалам (правда, неизвестно, в каком уже колене, в десятом или еще более раннем, и представлял собой узденьское сословие, равное достоинством князьям и бекам), был лишен высочайшей поддержки из-за веры. Не к лицу амиру правоверных защищать язычников, будь они даже его дальними родственниками. Правда, Мухаммад-Нуцал, памятуя былые воинские заслуги Чармиль Зара, не единожды призывал несчастного к исламу. Но сотник, ходивший в походы под знаменами еще отца его, Дугри-Нуцала, каждый раз отшучивался говоря: «Какой из меня мусульманин? Я и двух слов на чужом языке не в силах запомнить, не то что длиннющие молитвы». И все равно, во имя общих своих предков и национального единства Нуцал не прекращал питать надежду, что славный воин Чармиль Зар, наконец-то, одумается и хотя бы для вида примет Ислам. Однажды Зар, приглашенный в замок к Нуцалу для увещевания об Исламе, наотрез отказался бросить древние верования аварцев. Он прямо заявил Нуцалу:

– Если хочешь, прикажи казнить меня, я не боюсь уродливо широкого меча палача! Я млею и трепещу перед аварскими богами, сыновьями Бечеда, и особо почитаю богинь Берай, Лагай, Рокай.

Это случилось в присутствии знатных хунзахцев и даргинских беков из Кайтага. Неслыханная дерзость была брошена в лицо непобедимого Правителя Аварии. Мухаммад— Ну-

цал, бывало, иных узденей и беков казнил за гораздо меньшую провинность, такую, как сокрытие нескольких голов овец от податей или игнорирование его нукеров. А тут подданный, хоть и иносказательно, хуля палача с его мечом, но ясно дал понять Правителю, что не боится и его самого, да еще и превознес языческих истуканов до священства.

– Ну, что ж, вольному воля, – решил тогда Нуцал, после минутного размышления. – Коран запрещает принуждать в вере. Только вот что я тебе прикажу, нечестивый сын моего благородного народа, прекрати паясничать! Не затевай религиозные споры. Мне будет жаль тебя, если вдруг какой-нибудь ревнитель Веры пронзит твое языческое нутро мечом Ислама. Ха-ха-ха!.. – довольный своим красноречием рассмеялся вдруг Нуцал. – А теперь можешь идти хоть к сыновьям Бечеда, хоть к дочерям его распутным. Только зря изваяны они из камня и дерева, а то бы я и сам некоторых взял бы в свой гарем наложницами. Ха-ха-ха!..».

Гамач опять встряхнул головой, избавляясь от невольных мыслей.

Жена покойного оплакивала мужа, заливаясь слезами и слагая скорбную песню плача.

Сколько псиних рож,
О, мой солнцеликий,
Ты этим стальным
Разбил кулаком!

Она погладила холодную руку покойника, припадая к ней губами, затем, вскидывая к потолку руки, продолжала:

Сколько вражьих голов
Ты в дальних походах
Во имя нуцалов
Рубал, как герой!
Но теперь, вот, о, боги,
Смотрите, смотрите!
Героя убили
Так подло и низко!
Так подло и низко,
Что нет утешенья!
В светлый праздник,
В священном дурмане
Ты спал на лугу,
Небу вверив свой лик.
Ты спал на лугу,
Как правдивый герой,
Как честный воитель,
Без грязи и лжи.
Но честные нынче
Хунзаху противны,
А подлые убийцы
В почет поднялись.

Но ты же герой,
Солнцеликий ты мой!
И сраженный, я знаю,
Ты настигнешь врагов,
В том мире священном
Расквитаешься сполна!
Там просторы легки
Там и боги правдивы,
И вызовешь убийц
На поединки с собой,
И всех одолеешь,
Ты всех превзойдешь.
За все отомстишь,
За все отомстишь.
На сраженных убийц
Ты цепи накинешь
И навеки в рабов их
Позорных обратишь...

– Где думаете хоронить? – спросил Гамач.

– За Белыми скалами, на нашем пастбище, – ответил старший из братьев. – Мусульмане не допустят нас на городское кладбище. Да и нам ни к чему соседство с ними. Здесь, в миру, они нам смертельно надоели, зачем еще соседствовать с ними в том мире, где борьба за идею будет продолжена...

Гамач внутренне вздрогнул.

– Я верю в это, и сыновья Бечеда нам помощники!

Он промолчал, видя, что знаменитый мудрец, входящий к Правителю, не желает говорить об этом. Одна из сестер принесла на большом бронзовом подносе серебряный кувшин с вином и небольшие золотые кубки с родовой печатью Чарамов и клеймом кубачинского мастера. Разлили всем, детям тоже.

– Сегодня мы выпьем вино, а завтра, если будет к нам благосклонно небо, мы выпьем кровь наших врагов, – провозгласил Шобав и шагнул к столу, на котором лежал покойный.

Он прочел древнюю молитву на столь чистейшем аварском языке, на котором уже триста лет не говорили хунзахцы, да и сам он вряд ли знал эту староаварскую речь, еще не засоренную арабскими, персидскими и турецкими словами. Молитва состояла сплошь из магических заклинаний, требующих у богов немедленной кары убийцам. Затем его голос смягчился, он уже более спокойно обратился к сыновьям главного аварского бога Бечеда.

– Прими, бог Насс, эту священную каплю над гробом отца моего смертного, как все люди, которых ты связываешь незримой паутиной своего бессмертного сердца. Прими и разорви нити, связывающие родственников Абдурахмана твоей живительной силой, не дай им больше потомства... – Он пролил на холодное тело отца из золотого кубка каплю вина и выпил. Его примеру последовали остальные, даже четырехлетний Церав, на поясе которого уже висел маленький

кинжал, им, он уже знал, нельзя баловаться, порежешь пальчик – больно будет.

После некоторых церемоний Гамач извинился перед двоюродными братьями и сестрами и женой покойного, за то что он не может остаться с ними в столь горький для них час испытания. Он ссылался на то, что его ждет Нуцал по неотложным делам.

– Да, да, конечно, Гамач, мы понимаем, иди: с нуцалами не шутят...

Но по их взглядам было видно, что они ему не поверили, его уход посчитали трусостью. Как бы то ни было, Гамач не мог с ними оставаться долго. Он спешил во дворец к Правителю, уже просчитав в своем философском уме десятки возможных последствий для язычников, да и для него самого тоже, если совершит ошибку. Нечто подобное уже давно могло произойти и с ним, но он всегда был осторожен в речах. И потом, у философа вблизи Престола были иные проблемы и более могущественные враги, чем те, кто участвовал в убийстве язычника. И Гамач знал, что эти самые его враги ждут тишь удобного случая, чтобы обвинить его в куфре²³ и отдалить от двора, а там и расправиться с ним. Ведь за спиной ученого не было ни могущественного клана, ни даже родственника. Лишь друг, воитель Шахбанилав, мог о нем побеспокоиться, что единственно и утешало сейчас Гамача, который по сути дела не был безбожником и со-

²³ Куфр (араб.) – безбожие, атеизм.

всем неплохо относился к исламу. Только вот Аллаха он понимал как философ, во всей бесконечной загадке бытия, тянущейся от физики до метафизики, от мира видимого до мира невообразимого. А это выше мозгов алимов и имамов, которым, как ни странно, не дано перешагнуть в мир абстракций и вероятных категорий. Имамы мечетей и алимы медресе, привыкшие к голой зубрежке текстов Корана и хадисов, как замечал Гамач, не очень-то любят утруждать мозги последовательным мышлением. Что же до родственников Нуцала, которые недолюбливали философа, то их интересовали не столько торжество религии в Аварии, сколько закрыта своих амбаров и самые различные подати, порой даже незаконные. И вот тут-то и попадал философ в немилость ко многим придворным. Рассказывая истории могущественных и не очень монархов Востока и Запада, Гамач постепенно подводил Нуцала к мысли, что казна Престола всецело должна служить Престолу, а не многочисленной родне Правителя.

В своих уроках по философии Гамач наставлял Нуцала, что воины, провалявшиеся снежную зиму на теплых шкурах, поедая вдоволь хинкалы с сушеной бараниной, к лету становятся значительно грузными и ленивыми... Чуть помашут мечом – уже одышка! А ведь бывает, что воину, потерявшему в бою коня, приходится ловить другую лошадь, мечущуюся по полю без хозяина. Разжиревший воин в кольчуге и двух сотен шагов не пробежит – свалится на землю без сил.

Вот если бы выбирать лучших из лучших воинов, да кормить их из амбаров, заполняющихся от податей, обучая военному низаму²⁴ зимой и летом, то казна Престола стала бы быстрее пополняться серебром и золотом. Затраты на армию возвратятся сторицей...

* * *

Все три ворота замка были открыты настежь, но приставленная к ним стража из самых рослых воинов с большими мечами и острыми секирами зорко наблюдала за всеми входящими и выходящими.

Самые большие – железные – ворота, обитые бронзовыми листами, вели в просторный внутренний двор замка, где росли широколиственные платановые деревья, вдоль дорожек зеленели низко стриженные кусты жасмина, горели огромные красные розы и синели маслянисто-пахучие цветы лаванды. Вокруг большого круглого бассейна, в котором плавала форель, возвышались каменные львы, быки, драконы и волки-скульптурные работы раба из далекой страны, купленного на тифлисском рынке еще дедом Мухаммад-Нуцала Андуником²⁵ Третьим.

Этот прекрасный сад со множеством беседок, забранный

²⁴ Низам (араб.) – дисциплина, тактика, предмет обучения воинскому делу, общественному порядку и т. д.

²⁵ Андуник (в аварской транскрипции Пандуник!, соответствует грузинской транскрипции в последнем звуке): грузинское – Андроник, русское – Андрей.

с четырех сторон каменными стенами замка, сегодня был полон народа. Гости Нуцала из самых разных уголков Дагестана гуляли по нему, сидели на лавочках или в беседке на коврах, а стройные кроткие невольницы порхали, словно бабочки, с подносами, полными яств, – ешь и пей, что хочешь, но не забудь воздать хвалу Богу, с пожеланиями здоровья новорожденному царевичу. В этот поистине прекрасный сад выходили галереи террас со второго и третьего этажей буквой «П». Четвертый же этаж тянулся только над главным корпусом замка, собственно дворцом аварских правителей. А еще с двух сторон замка, с фасада и тыла, возвышались семиэтажные башни с бойницами.

Кроме просторного сада, в замке было еще три двора, куда вели черные ворота, которые находились за левым углом от площади.

Один двор отводился нуцальским нукерам и дворцовой страже, где они круглый год упражнялись на мечах, топорах и копьях, а также состязались в борьбе, по правилам которой можно было наносить удары ладонью по лицу и телу. Здесь получали свои воинские уроки все нуцалы, родившиеся после 1424 года, когда Чархи-Нуцал выстроил этот большой неприступный замок, разрушив полуязыческий-полухристианский храм, оставшийся от Владыки Сарира по имени Баар-бер, что значит «Красный глаз». Баарбер правил Хунзахом задолго до появления здесь великого миссионера Абул-муслим-шейха аль-Курейша.

Второй двор был отведен для лошадей Нуцала и его дорогих гостей. Конюшня при замке вмещала до ста коней.

Третий двор был самым замкнутым и зловещим. Им пугали взрослые хунзахцы непослушных детей. Здесь и находилось печально знаменитое подземелье и богатый зверинец...

В каменном подземелье было множество ниш, закрытых толстыми решетками. Дым от горящих факелов выходил из вытяжек в стенах. Здесь содержались преступники и прочие злодеи, а также приговоренные к смертной казни разбойники. В одной рукописной книге говорится, что сам знаменитый Хочбар взмолился о пощаде, когда его впервые заточили в это мрачное подземелье. И не мудрено: подземелье было страшное, навевающее невольные мысли о всех адах мира, какие только повествуются в религиозных учениях. Хочбар же, будучи как-никак мусульманином, решил, видно, если уж попадать в ад, то только в мусульманский, и повинулся перед Андуником Третьим. Но, как сохранилось в преданиях, дерзкий гидатлинец все равно не смог расстаться с привольной жизнью, опять начал угонять хунзахские стада и похищать яснооких красавиц, за что и был в конце концов казнен...

Ворота, отлитые из чистой бронзы, прямо с площади вели в Тронный зал, где Нуцал проводил важные собрания, на которых решались вопросы войны и мира, сложные суды по тяжким преступлениям, когда приходилось казнить или миловать, или принимал дорогих гостей и иноземных куп-

цов.

Когда Гамач подошел к бронзовым воротам, стражники-великаны подтянули к себе сверкающие в лучах солнца секиры, пропуская в тронный зал придворного философа.

Нуцал уже восседал здесь на своем троне – огромном кресле тоже отлитом из чистой бронзы и начищенном до золотого блеска. Трон стоял на десятиступенчатом престоле, выстроенном из белого точеного гранита. От входа в зал до трона было ровно сорок шагов. Сводчатые резные потолки поддерживали два ряда круглых каменных колон. Во время военных советов набивалось сюда до тысячи человек. А вот сейчас, как мимоходом прикинул Гамач, судя по расставленным дубовым столам, Нуцал собирался принять здесь не менее трехсот гостей.

По обе стороны от Трона, куда зачем-то забрался Нуцал, стояли придворные и рассказывали о чем-то веселом. Все смеялись, когда к Трону подошел философ.

– Ассаламу алейкум! – как ни в чем не бывало приветствовал их Гамач и, подойдя к Трону, по обыкновению блеснул красноречием: – Да возгорится новая неугасаемая звезда над Домом нуцалов и ниспошлет Аллаху Тааля множество славных побед будущему нашему Владыке, чтобы многие века им гордились благодарные потомки...

На минуту повисла пауза, никто не решался поздороваться с придворным философом раньше Правителя.

– Ва алейкум салам, светлый мудрец, – ответил Нуцал,

поднимаясь из кресла. Спустившись с трона, он пожал Гамачу руку и поинтересовался: – Как прошла ночь после выпитого вина? Не тяжело ли тебе сегодня думается о вечности, о древних и будущих народах?

Серо-зеленые глаза философа блестели ясным взором – ни малейшей скорби, ни гнева Нуцал не мог в них заметить, только ровные цепи бесконечных мыслей, направленных на служение Престолу аварскому.

– Тяжело, мой Повелитель, – ответил философ своим обычным тоном. – Вечность не желает мне сегодня открывать свои тайны, а потому и остаюсь я в неведении о судьбах грядущих поколений...

– Во каков мудрец, каково красноречие! Видали? – искренне восхищаясь, похвалил его Нуцал, но и себя не забыл: – Никто из дагестанских правителей не может похвастаться таким философом! Даже на самый глупый вопрос у Гамача всегда готов мудрый ответ... А-а, постой-ка, постой, – вдруг спохватился Нуцал, что-то соображая. – А почему тебе вечность сегодня не желает открывать свои тайны? Может, книг древних не хватает или инструменты еще нужны, чтобы звезды разглядывать? Говори, не стесняйся, сегодня я буду щедрым, как никогда...

– Да, немного денег на эти цели мне бы не помешали... Но меня сегодня беспокоит другое...

– Так скажи мне об этом!

– Тайну вечности, как сказано в священном Коране, охра-

няет сам Аллах, а вот родственников моих, если не защитит Владыка страны, могут порубить завтра за Белыми скалами, когда будут хоронить Чармиль Зара...

– Что-о?! – со светлобородого лица Нуцала разом слетела улыбка, и его серые глаза так сузились, что сразу отлегло от сердца философа. А ведь были черные страхи, навеянные мыслью, что Нуцал одобрил убийство язычника. – Чармиль Зар мертв?

– Убит...

– Кем?! – вскрикнул Нуцал, посуровев лицом.

– Не знаю, мой Повелитель, должно быть, это кто-то из хунзахцев, – на сей раз философ позволил себе слукавить и сменить безмятежное выражение гладко выбритого лица на недоуменное.

Он был уверен, что присутствующие в Тронном зале визири и алимы прекрасно знают об убийстве старого воина, а коли об этом не знает Нуцал, значит, не известили. Плох тот Правитель, от которого приближенные могут утаить убийство его вассала; негод также и мудрец, не способный распознавать ложь в словах собеседника, будь он даже полновластным Правителем, могущим казнить и миловать. Но Гамач, знающий от двоюродных братьев имя убийц, солгал Нуцалу, рискуя попасть в немилость. А сделал он это только лишь для того, чтобы убедиться, в самом ли деле визири и алимы смеют не извещать Нуцала о происходящих в городе делах.

– О, Владыка правоверных! – не дожидаясь высочайших

вопросов, заговорил диван-визирь Абурахим, ведающий судебными тяжбами страны. Он шагнул поближе к Правителю, отвесил легкий поклон и продолжил: – Мне хотелось бы спросить у красноречивого книжника, купающегося в щедротях ваших, как форель в волнах Каспийского моря, что же это он: заглянул к Чарамам, поплакал над телом несчастного язычника и ушел, не спросив их имя убийцы? Или язычники уже не признают его за своего?

– Ничего не понимаю, – Нуцал начинал раздражаться. И если раздражение перерастет в гнев, он не посмотрит на праздник, бросит кого-нибудь в подземелье и вспомнит о нем лишь через неделю или месяц.

– Я поясню, мой Правитель, если позволишь, – слащаво заговорил тут и второй визирь – Муслим-хаджи, ведающий нуцальскими послами. Не ахти какой дипломат, но нескольких тугодумных книжечеев из числа своих родственников он сумел все-таки устроить при дворах правителей Багдада и Стамбула. – Вчера вечером произошла драка...

Нуцал блеснул глазами, переводя свой острый взгляд с одного визиря на другого.

– И?..

– О, Светлейший! – еще шире растянулись в улыбке тонкие губы Абурахима, которых и не видать было под густой бородой; казалось, волосы на его лице растут прямо изо рта. – Муслим-хаджи, твой праведный визирь, говорит не просто о драке, но о праведном возмездии против языч-

ника, не стоящего твоего драгоценного внимания. Но раз Гамач упомянул об этом и попросил заступничества языческо-му семейству, я хочу отметить его лукавство – он прекрасно знает, кем убит Зар, позволь мне донести до...

– ...ушей моих? Ослиные твои мозги! – вскипел-таки Нуцал. – Будешь тянуть веревку – повешу на ней же, как христианина! Дело говори мне, суть излагай!..

«Господи, тугодумный правитель не всегда плох, – невольно подумал Гамач, все так же продолжая стоять перед Нуцалом. – Ведь они уже изложили суть дела и факт моего лукавства будет нетрудно установить, если Абурахиму удастся втолковать Нуцалу, что я осмелился ему соврать».

– Слушаюсь и повинуюсь, мой Повелитель, – лицо Абурахима важно сосредоточилось. – Зара сразил Ахмадилав. Мечом в грудь...

– Чармиль Зара? – Нуцал вскочил с тронного кресла. – Ахмадилав, который ратует за Ислам, но в мечеть заходит раз в месяц и часто валяется пьяным, что и намаз не в силах совершить?

– Да, мой Повелитель, получается, что так.

– Тогда в чем же ты видишь праведное возмездие?

– Сейчас поясню. – В голосе первого визиря Аварии, каковым, без сомнения, являлся ведающий судебными тяжбами, ибо, в отличие от двух других визирей, зарабатывал бешеные деньги, разбирая тяжбы по земельным угодьям, сенокосам, пастбищам и прочим имущественным спорам. – Вче-

ра днем на площади посреди народа Чармиль Зар благодарил небо и богов за рождение царственного младенца. Это были речи, оскверняющие сердца и души правоверных и навлекающие гнев Аллаха. И когда Ахмадилав укорил язычника, тот огрызнулся, оскорбил его и дальше продолжал богохульничать. И уже затем, вечером, когда люди разошлись по домам, между ними произошла ссора. Ахмадилав потребовал с Зара раскаяния, но тот вынул меч и накинулся на него. Только Ахмадилав оказался ловчее и сильнее. Он выбил из его рук оружие и его же мечом зарезал язычника.

– Неужели?! – Нуцал скорчил такую кислую гримасу, что, казалось, его сейчас стошнит прямо на визиря. – Ты это так рассказываешь, словно и сам отправился вместе с Ахмадилавом изыскивать у многобожника раскаяния...

По Тронному залу покотился сдержанный смех.

– Мне об этом рассказали правоверные, – ответил Абурахим с чувством выполненного долга и показал рукой на алимов, которые сразу же закивали бородами головами, подтверждая слова диван-визиря.

– Вот как?! И вы можете подтвердить слова диван-визиря на Коране?

– О, амир правоверных, да смилуется над тобой Аллах Великий, всякий человек есть лишь раб своего Создателя, а по сему не стоит по всякому поводу клясться на Коране, тем более что мы своими глазами этого не видели.

– Ах вот как! Значит, не видели? Но бородами киваете?

– Да, амир правоверных, нам об этом тоже рассказали правоверные, а не верить мусульманину – грех великий.

– Ты хочешь сказать, что я должен тебе верить только потому, что ты мусульманин? – прищурил глаза Правитель.

– Воистину так, – с богомольным выражением опять закивал один из алимов, и совершенно напрасно: терпение Нуцала лопнуло.

– Молодец, богомол вонючий. Стража! Выгоните этого идиота и больше не впускайте ко мне! И не забудьте пинка под зад отвесить, чтобы и другим богомолам неповадно было глупости мне советовать.

Стражники тут же взяли под локти богомола, именовавшегося алимом, вывели из замка и пнули ногой под зад.

– А вы, нечестивые алимы самой честной религии, запомните, что я сейчас скажу. Когда диван-визирь врет, я могу повременить с наказанием. ...Мне же надо сегодня гостей встречать со всего Дагестана. Но коли вы, дармоеды, смеете мне врать, то медный грош цена вашим молитвам, ибо Аллах их не принимает! Спросите в Хунзахе любую собаку, любого раба или рабыню, одолеет ли Ахмадилав Чармиль Зара? И что они вам ответят?

Молчите? Потому, наверное, что и сами вы знаете – не одолеет. Да и вряд ли они станут драться.

Сколько я их помню, даже в походах они были друзьями неразлучными, затевали между собой бесконечные споры о религии. Но чтобы они подрались – я слышу впервые!

От возмущения у Нуцала дыхание перехватило.

– Ахмадилав, конечно, хороший уздень и неплохой воин.

Он имеет заслуги перед Престолом, но таких могучих воинов, как Чармиль Зар, еще покойный отец мой, Владыка ваш Дугри-Нуцал, говорил, во всей войске наберется полсотни, не больше.

Нуцал вдруг прервался и снова полез на трон. Он был сильно расстроен этой новостью, но сумел взять себя в руки и уже более спокойно спросил:

– Кто-нибудь знает: Зар перед смертью успел прочесть шахаду и символ веры нашей истинной «Аманту...»²⁶?

– Не-ет, – алимь отрицательно замотали головами, увенчанными нарядными чалмами, – не знаем.

– Тогда молитесь Богу, и особенно ты, Абурахим, что Зар умер язычником. Если я узнаю, что перед смертью мой уздень произнес шахаду, я тебя за неуважение к даавату²⁷ и аварскому мечу прикажу казнить на площади, как паршивого шакала! А что до богохульства Зара, так мы все знаем, что он почитал древних истуканов. Однажды даже мне дерзко заявил, что не предаст своих богов. Гамач присутствовал тогда... Как он мне сказал, не помнишь?

– Если хочешь, прикажи казнить меня, я не боюсь смертных владык и уродливо широкого меча палача! Я млею и тре-

²⁶ Концептуальная формула ислама, в которой говорится, что «верую в Аллаха, ангелов, книги, пророков. Судный день и предопределенность».

²⁷ Даават (араб.) – миссионерство (распространение веры).

пещу перед аварскими богами, бессмертными сыновьями Бечеда!..

– Слыхали? Вот каким дерзким был Зар. И не стыдно тебе так мелко врать? Да что с тебя возьмешь, – отмахнулся Нуцал, – ты же диван-визирь, привык врать, чтобы ришваты²⁸ получать, вот и заврался, что и перед Троном моим чадишь тухлятиной. Прочь с глаз моих!

Абурахим, кланяясь, попятился назад.

– Стой!

Он замер на месте, с отвешенным поклоном.

Нуцал с минуту поразмышлял над чем-то.

– Ты говорил что-то против Гамача? Что тебе от него понадобилось?

– Он осмелился солгать тебе, Светлейший... – выпрямился Абурахим.

– В чем именно? – в голосе Нуцала прозвучал металл, не предвещающий ничего хорошего ни тому, ни другому.

– В том, что не знает, кто убил Зара...

– Это правда? – Нуцал повернулся к философу.

– Нет, мой Повелитель, – не моргнув глазом, во второй раз солгал Гамач и не преминул воспользоваться софистикой – Диван-визирь говорит о моей лжи столь же несведуще, как и о форели, которая не водится в соленых водах Каспия, ибо форель – рыба пресноводная.

Нуцал громко рассмеялся. Заулыбались и алимы, косо по-

²⁸ Ришват (авар.) – взятка.

глядывая на вельможу. Зачем он им, если на него гневается Правитель!

– Послушай меня внимательно, спесивый сын благородного бека, если я созову ученый совет и на нем выяснится, что нет форели в Каспийском море, я велю отрезать тебе язык, а на лбу выжечь клеймо лживого невежды! Согласен?

Мухаммад-Нуцал, озвучив свою угрозу, на какое-то время застыл, словно статуя, и тем самым еще больше заставил замереть всех присутствующих.

– Все слышали, что я сказал?

– Да, наш Повелитель, мы хорошо тебя слышали...

– Светлейший, – после некоторых тщательных раздумий, обратился Гамач, – но ведь убийство Зара не единственное в Хунзахе за прошлый день...

– Как так? Кого же еще убили?

– Сын Пайзу-бека затеял поединок с большим галбацем и потерпел поражение...

Нуцал еще более строго посмотрел на Абурахима, который, не мешкая, ответил:

– Этим занимался уже Мухаммадмирза-хан и просил не беспокоить тебя, о, Светлейший...

Нуцал и в самом деле не стал интересоваться подробностями поединка, раз его равноправящий брат уже занимался им. Отпустил имамов, визирей и, оставшись с философом и арабскими купцами, занялся торговыми вопросами.

* * *

На второй день после рождения царевича в Хунзах стали съезжаться гости.

Из Кайтага приехали к вечеру третьего дня.

Уцмий Ханмухаммад, шестидесятилетний правитель небольшой, но прекрасной страны, имеющей, кроме гор и небольших плодородных долин, еще и несколько верст морского берега, приехал в Хунзах на высоком арабском скакуне, покрытом черными пятнами на белой гладкой шерсти. С ним была большая свита, сопровождаемая конными воинами.

Ханша Кайтага Асият-уцминай – чистокровная даргинка – хотя и была из рода уцмиев, но не приходилась своему супругу даже троюродной сестрой. Она была моложе Ханмухаммад-уцмия на девять лет, почти что ровесница своего аварского зятя. Несмотря на свой возраст, Асият-уцминай сохранила стройное тело и редкую красоту, слегка отмеченную печатью возраста и материнства. Она владела многими дагестанскими языками и покровительствовала образованным женщинам, считая, что мужской ум, лишенный женских советов, не полноценен. Когда знатные дагестанские беки и прославившиеся в походах уздени хотели пристыдить своих жен за какую-нибудь оплошность, то приводили в пример ханшу Кайтага, женщину, сочетающую в себе красоту, доброту и бесценный ум.

Сидя в узком фаэтоне, запряженном одной лошадью, с де-

вятилетним внуком от сына и десятилетней внучкой от старшей дочери (ханша Аварики была младшей дочерью правителя Кайтага), Асият-уцминай всю дорогу рассказывала сказки и легенды о древних дагестанцах.

В таких же узких фаэтонах, запряженных одной лошадью, ибо дороги в горах не везде были широкими после обильных дождей, ехали и другие знатные женщины Кайтага. Соблюдая шариатский запрет, уцмий даже невольниц велел посадить в фаэтоны, ибо грех женщину сажать верхом на лошадь, а вести их пешком от Кайтага до Хунзаха потребовалось бы много дней нелегкого пути. Верхом же и на фаэтонах они доехали быстро.

Караван с благородной свитой и богатыми подарками сопровождала целая сотня великолепных воинов, чтобы не искушать в горных ущельях и на перевалах стервятничающих время от времени разбойников, которым ханы часто отрубали головы, но и они, бывало, умудрялись мстить ханам со всей присущей варварам жестокостью. Иногда разбойники после дерзкого ограбления какого-нибудь хана или бека оставались непойманными, испарялись среди отвесных скал и покрытых лесами ущелий, словно утренний туман или кошмарный сон, неизвестно откуда берущийся. А вот с такой воинской сотней на огнедышащих конях правителю Кайтага никакие разбойники не страшны. Это была личная гвардия уцмия из тигроподобных воинов с устрашающе большими мечами и матово отблескивающими стволами мушкетов.

Ханмухаммад нагрузил десять мулов подарками для новорожденного внука, дочери, зятя и многочисленной его родни. Помимо отменного кайтагского сукна и купленных в Дербенте шелковых персидских ковров, он привел еще в подарок внуку необъезженного чистокровного арабского жеребца, на которого заглядывались в богатых селах, предлагая уцмию за него любые деньги. Уцмий, довольный производимым жеребцом впечатлением, отвечал, что не продаст ни за какие деньги, ибо это подарок аварскому царевичу, его новорожденному внуку. Но самым впечатляющим подарком кайтагского правителя были львы, которых везли на двух последних бричках. Лев и львица, царь и царица зверей, завораживали воображение дикостью нрава и величиной тела. Серебряная курильня для благовоний с родовой печатью уцмиев, сделанная лучшим кубачинским мастером, стоила целое состояние. На ней изумительно красиво были выведены стихи из Корана и дуа (молитва) святого шейха Акбариллава. Считалось, что такая курильня отгонит любую нечистую силу и исцелит даже смертельно больного. За эту курильню уцмию давали половину отары – 500 голов овец. А еще на их мулах было много пряностей, ароматного чая и кайтагских сладостей. Люльку из красного дерева, инкрустированную жемчугом, мелкими изумрудами и рубинами, правительница Кайтага купила еще при первой беременности аварской ханши у арабского купца за сто серебряных монет Санкт-Петербургской чеканки, каждая по четырнадцать унций весом.

Но дважды Баху-уцминай дарила ей с уцмием внучек, для которых было жалко такую жутко дорогую вещь.

Что внучки?! Их выдадут замуж, и станут они чужой радостью. Другое дело царственный внук – надежда и опора династии!

Мухаммад-Нуцал на вороном жеребце, вместе с придворными, которые тоже восседали на великолепных лошадях, вышел встречать тестя на самый край знаменитого Хунзахского плато, называемого горской равниной. И среди хунзахцев не было человека, который не восхитился бы дарами кайтагского правителя.

– Не лести ради, но во имя высшей истины скажу тебе, дорогой мой тесть, ничего подобного я еще не видел! – воскликнул Нуцал, залюбовавшись жеребцом. – Такой подарок сделал бы честь любому из царевичей этого подлунного мира...

– Для внука ничего не жалко, – ответил заученно по-аварски Ханмухаммад-уцмий, и, как бы в подтверждение сказанному, в хвосте длинного каравана раздался грозный рык царя зверей. Чуть слабее послышался еще рык – это подавала свой голос львица.

Лев забился в клетке и издал на сей раз столь громкий рык, что лошади заметались от страха.

– Что это? – поразились придворные. – Неужели лев?

– Нет, это кошечки для моего внука, – улыбаясь в полуседую бороду, ответил Ханмухаммад-уцмий, довольный про-

изведенным впечатлением.

* * *

К вечеру четвертого дня в Хунзахе были все приглашенные. Казикумухские ханы – племянники Мухаммад-Нуцала и Мухаммадмирзы-хана, аксайские ханы – родные дяди восьмилетнего царевича Булач-хана. Джунгутайские и таркинские правители были уже в дальнем родстве с хунзахскими правителями, и от этого уважение их друг к другу только укреплялось, и верное родство намечалось между их юными отпрысками.

Вечером на площади начался великий праздник. По всему Хунзаху были зажжены костры, жарилось и варилось мясо, рекой лилось вино. Двери всех караван-сараев без платы за ночлег и еду были открыты, равно как и ворота узденских домов. Правда, к бекам заходили только беки, а правители все расположились во дворце при замке.

Огромная площадь от многочисленных костров и факелов была освещена, как днем. Были тут гости и из вольных общин Акушы, Табасарана, Ахты, Дидоэтии. Из обглоданных костей образовывались целые горы – рабы едва успевали уносить мусор и подметать площадь и улицы.

На мавзолее-усыпальнице доисламского владыки Сарира (Аварии) сменяли друг друга искусные певцы и певицы. Звучали прекрасные песни гор на всех языках. Народ замирал в благоговении, слушая песни о любви и воинской доблести,

о справедливости правителей и коварстве врагов, которых дагестанцы одолевали, лишь когда, позабыв о личных обидах, выступали в поход вместе. Это был многоликий и многошумный праздник гор, сравнимый разве что с тем, когда, разгромив Надир-шаха, пировали дагестанцы.

В тронном зале замка были накрыты столы, за которыми ханы и беки вели свои степенные беседы. Они говорили о сборах урожая, о благодати фруктовых садов в горячих ущельях Гимры, Инхо, Ботлиха и, конечно же, на Кумыкской равнине. Вспоминали и о нашествии персов, стремившихся навязать дагестанцам-суннитам «сто пятнадцатую» суру Корана и сделать их шиитами, как и они сами.

– Да, именно отсюда, от спора о «сто пятнадцатой» суре Корана пошли две великие ветви нашей религии! – пояснял правитель Кайтага, известный, помимо прочего, еще и своей начитанностью. – Партия четвертого Халифа Али стала утверждать, вопреки самому Али (мир ему), что Халиф Абу-бакар преступно проигнорировал ее и сам воссел на престоле правоверных. Халифы Омар и Осман (мир и им) якобы приказали не включать в Коран «сто пятнадцатую» суру, когда собирали Книгу Аллаха из папирусов, пергаментов и дощечек в один сборник...

– Афшар сумел разгромить армии многих государств, – с пафосом начал, в свою очередь, лакский правитель Муртазали-хан. – Я помню, как двадцать лет назад я с братом Мухаммадом искал убежища от персов в Хунзахе. Отец мой

Чулак Сурхай и мать моя Патимат были вынуждены сдаться на милость шиитов, возомнивших себя непобедимыми. Но когда мы двинули на полчища Афшара с аварцами, мы их победили!

– Мы тоже не сидели сложа руки! – воскликнул, смеясь, таркинский шамхал, – топили их хвосты в море, рыбкам на корм.

Раздался всеобщий хохот.

– Да, это правда, – согласился лакский правитель, – но сперва персы захватили лезгин, табасаранцев, акушинцев и вас, кумыков, тоже. Непокоренными оставались только аварцы!

– Ну, конечно, как же не похвалить родственников?! – бросил правитель Аксая, и пирующие снова взорвались хохотом, но Муртазали не обиделся, ответил, как ни в чем не бывало:

– Твоих тоже. У Престола аварского растет твой племянник Булач-хан. Но дайте мне закончить свою мысль. Мы, дагестанцы, были тогда не очень дружны. Мы не понимали простых истин – сердитый брат лучше доброго врага, никто не позаботится о дагестанцах, кроме как сами дагестанцы. Мы были ослеплены взаимными обидами, мелкими ссорами. Но когда, наконец, мы поняли это, мы собрались под славные знамена и одним махом смели кадjarов с наших гор, как расторопная хозяйка сметает тряпкой мусор со стола!

– Валлах, правда! Вот только сравнение мне не очень по-

правилось, – подметил кто-то из беков.

– Ничего, ничего, у лакцев мудрый правитель, – хохотнул шамхал таркинский.

– Истинно говоришь, Муртазали-хан, горький гнев брата лучше слащавой лести врага!

– Персам сразу стало тесно в Дагестане, когда мы дружно ударили по ним. Афшар бежал из нашей страны, позорно обронив свою «прославленную» саблю...

– Кстати, а где она? – первым нашелся салатавский бек из рода Тумкилавов, чей предок получил титул за успехи в сражениях за северные земли, когда только-только подступали к Тереку большими колоннами и с многочисленными войсками русские.

Нуцал приказал принести саблю Надир-шаха, правителя, вознамерившегося было завоевать полмира, а вторую половину оставить для подвигов своим потомкам.

Когда принесли саблю, она пошла по рукам пирующих. Длинный, изогнутый дугой клинок в золотых ножнах, обильно инкрустированных драгоценными камнями, и с большим рубином на верхе рукоятки, сделанной из слоновой кости, конечно же, не могла не восхитить знатоков оружия. Сталь клинка даже на глаз впечатляла своей таинственной закалкой.

– Аллах Велик! Сколько же кузнецов закаляли эту холодную сталь?

– Сотни! – обронил кто-то из ханов.

– Да хоть тысячи кузнецов, сила клинка не в количестве мастеров, но в тайне закалки...

– Светлейший, разреши попробовать прочность великого трофея? – попросил салатавский бек, и Нуцал кивнул разрешая. Кто-то из беков вынул свой кинжал и, когда сабля ударила острием по острию, кинжал был перерублен, словно палка деревянная.

– Клянусь Аллахом, она заговоренная каким-то персидским колдуном! – воскликнул неприятно пораженный бек, очевидно, желая как-то объяснить мягкость своего оружия.

– Да не оправдывайся! У нерадивой хозяйки всегда кошка виновата, а у тебя, значит, кинжал, – бросил кто-то реплику, и снова тронный зал взорвался громким смехом.

Долго дагестанские правители и беки забавлялись саблями Надир-шаха, пока Мухаммад-Нуцал не приказал унести ее туда, где ей и место – в оружейную палату дворца, охраняемую днем и ночью верными стражниками.

– Чакаги Нуцал!

– Чакаги престолонаследник!

– Чакаги все дагестанцы и их правители!

Воинские кличи, по-братски объединяющие, долго еще раздавались в тронном зале, пока слово не взял аксайский правитель Хасай-хан. Затем говорили и другие правители, после которых дали слово Басиру-хаджи, имаму соборной мечети Хунзаха, главному религиозному лицу Аварии.

– Братья-единоверцы! – обратился он после традицион-

ной для имамов короткой молитвы. – Хоть и разные у нас, у дагестанцев, языки, и порой мы объясняемся друг с другом, как глухонемые, на пальцах, жестами, с трудом подыскивая общие в наших языках слова, у нас есть то, чего нет у многих других народов...

Аристократия мгновенно притихла. Что же это такое?

– У нас, у дагестанцев, – с пафосом заключил имам, – душа дагестанская!

Публика разочаровано выдохнула. Ясно дело! У персов – персидская душа, у гяуров – гяурская и так дальше по необъятным широтам земли. Что за невежественная простота! Но вслух никто не стал высказывать свои мысли о духовном лице.

– И вера наша в духовное единство дагестанцев умножает нашу силу...

– О-о! Это уже ближе к мудрым изречениям древних философов, – заметил кто-то.

– Эта мысль вполне достойна первого духовного лица страны, – раздался еще чей-то голос.

– Братья-дагестанцы! – уже в другом, печально-назидательном и по-богословски отчужденном тоне продолжил свою речь имам. – Конечно, Аллах запретил мусульманам вино. И когда вино пьют фасики – простые, невежественные мусульмане, Аллах не сильно гневается на них, ибо невежественны они. Но когда вино пьют алимы, знающие язык Корана, и правители, знающие законы шариата, гнев Аллаха со-

крушает небеса и земли! Ведь многие пьющие... и меру-то свою не знают. И когда я вижу осоловевших Жават-хана, Эрпели-хаджи или Дибирали-ага, – те аж замерли за столами, услышав свои имена, – то сердце мое переполняется стыдом за них! Эти ханы и беки претендуют на высокое звание ученых людей, знатоков шариата...

Кто-то при этих словах одобрительно рассмеялся, кто-то начал разговаривать о чем-то своем. Послышались даже шуточные упреки в адрес пьющих вино, их, мол, нельзя допускать в мечеть.

– Ты что, Басир-хаджи, – перебил его Нуцал сдержанно и даже несколько шуточно, – пользуясь случаем, когда весь Дагестан в Хунзахе, хочешь отвоевать у меня жирный кусок власти?

Опять пирующие взорвались хохотом, кто-то даже укатывался вдоль длинного стола, едва не проваливаясь под него. Нуцал же продолжил в том же непринужденном духе:

– Проповеди следует читать в мечети во время джума-намаза, а на праздниках нужно произносить речи, приличествующие уму и духу...

Басир-хаджи смущенно замолчал и тут же покинул пир.

Через некоторое время в тронный зал явились рабыни в разноцветных шелках, внесли в зал на больших серебряных подносах рыбу, так искусно приготовленную нуцальским поваром, что ее запахи перебили запахи шашлыков и вареного мяса. У славных мужей за столами вновь разыг-

рался аппетит, и они с удовольствием стали есть жареную рыбу.

– Скажи-ка, мой славный родич Юсуп-Шамхал, много ли еще в Каспии осталось форели, а то она мне так понравилась, что хочу приказать своему искусному повару приготовить ее на Уразу-Байрам?

Правитель Тарковского шамхальства громко рассмеялся и ответил:

– Форель, конечно, рыба вкусная, но, сколько себя помню, в Каспии она не водится. На Уразу-Байрам я пришлю тебе осетра и черную икру...

– Спасибо, родич, я непременно поем рыбу из моря, – поблагодарил Нуцал Шамхала и, метнув в своего визиря острый колющий взгляд, поманил к себе пальцем. Когда тот подошел и наклонился к нему, Нуцал шепнул на ухо: – Немедленно отправляйся в подземелье и выбери себе самую темную келью! Абурахим мгновенно побледнел, глаза его словно потухли. Он шепнул обязательное «повинуюсь» и удалился с высочайшего пира. Следом затопал в больших зашнурованных чарыках стражник, которому Нуцал подал непонятный для гостей знак.

– А послушай-ка, родич Мухаммад-Нуцал, – обратился таркинский правитель, – ты не хочешь купить корабль и держать в порту малоногого²⁹ царя своих рыбаков? Это при-

²⁹ Малоногим царем, согласно некоторым более поздним биографам великого русского реформатора, кавказцы называли Петра Первого, который из-за ко-

быльное дело, хочь тебе заметить...

– Корабль? Зачем он мне? – пожал Нуцал плечами. – Вот если бы ты предложил мне хорошую землю для пастбища, без солончаков, я бы не отказался.

Резонность шутки оценили за столами.

– Я говорю тебе это потому, что ссыльные моряки, которые отбывали срок наказания в порту, как на каторге, возвращаются к себе на родину, на север. У них там, в Санкт-Петербурге, недавно скончалась императрица Елизавета, дочь того самого малюногого царя, который при моем деде Махмуд-Шамхале высаживался с моря на нашем берегу с полчищами своих солдат... И если корабль покупать сейчас, пока нет других ссыльных моряков, то обойдется очень дешево. Всего каких-то две сотни серебром...

– Хорошо, родич, я подумаю над этим. А кто у урусов теперь на Престоле?

– Петр Третий, внук того самого царя, будь он неладен. У них, у русских, у каждого правителя свои ссыльные...

– Они могут себе это позволить, – вставил уцмий Кайтага. – У них много земель и многочисленный народ, счет которому только Аллаху ведом. А нам лучше держаться от моря подальше...

– Почему же, Светлейший? – искренне рассмеялся лакский правитель. – Море – это богатство и легкая дорога...

роткой ступни ног плохо удерживал свое двухметровое тело, ходил, опираясь на трость.

– Потому, Светлейший, – так же искренне отвечал ему уцмий, – что мы, горцы, едва управляемся тут, на земле. наших белоканских и закатальских братьев все больше начинают притеснять каджары и грузины. Сперва надо укрепить свои границы на наших южных землях, а море от нас никуда не утечет. Морем владели наши предки испокон веков, так будет и впредь, если крепче встанем на земле...

– А скажи-ка, Светлейший, – подал свой голос джунгутайский хан, – что нам нужно, чтобы мы хорошо управлялись на земле и на южных границах?

– Алимь нужны хорошие, знающие, – не раздумывая, ответил Ханмухаммад-уцмий. – Не такие, как в медресе, которые из года в год только и делают, что твердят о молитвах, а сами в рот заглядывают бекам и ханам, не много ли они выпили вина, запрещенного Аллахом. Нет, молитвы тоже нужны, конечно, но народ наш и так умеет молиться. А вот делать хорошие ружья наши кузнецы, скажу я вам честно, пусть никто не обижается, еще не научились. И порох у наших мастеров получается дорогой, а потому и стреляют до сих пор наши уздени стрелами из лука. Большинство, я имею в виду. А посмотрите вы на наши пушки! У нас они и поменьше, и потоньше, а значит, и стреляют недалеко, и не очень сильно. Другое дело, пушки урусов, персов, турков! Да-да.

А вы думаете, что персы уже отстали от нас навсегда? Не заблуждайтесь! Они не успокоятся, пока не навяжут нам

свой шиитский толк и не захватят самые плодородные наши земли. Да и русские все ближе продвигаются к нам от своих холодных земель. Обо всем надо думать, светлейшие, обо всем! Иначе потомкам нечего будет оставить...

С уцмием были согласны все. Разве что на лицах некоторых алимов возникли кислые выражения. Не вернее ли положить на Аллаха, он лучше ведает, что и кому достанется в наследство...

...На следующий день после обеденного намаза в соборной мечети царственному наследнику дали имя – Умахан – в честь одного из предков, правившего Аварией сто тридцать лет назад.

Глава 3-я

Смена Родины

На улицах бродили объевшиеся на празднике собаки; проклиная горькую судьбу, очищали от мусора величественный Хунзах рабы. Каркали вороны, налетевшие на город темными стаями, и, словно вызванные пернатыми долгожителями, к своим воротам выходили уздени. Некоторые сочувствовали язычникам, иные плевали им вслед. Были и такие, что открыто насмехались:

– Ну, где же ваши языческие песни? Чего так невесело хороните?

– Где хвала истуканам и заклинания против обидчиков?

– Быстро же вы растеряли свою языческую спесь...

– Ух, грязные язычники!

– Да уверуйте же вы хоть теперь, что нет божества, кроме Бога, и Мухаммад пророк Его!

– Напрасно увещаешь, сосед, они не уверуют. Это же Чарамы! Вместо души, сотканной из света, у них куски из железа...

– Гляди, меч торчит до сих пор в груди! Наверное, и в самом деле вместо душ у язычников куски железа...

– Плевать! Прорвал же мусульманин с помощью Аллаха стальную рубаху язычника, как сгнившую шкуру шакала!

– А кто прорвал-то, кто?

– Не знаю. Говорят, Ахмадилав.

– Вранье! Ахмадилав не прорвал бы эту кольчугу и до скончания века. Это кто-то из сильных воинов, обладающих разящим ударом.

– Плевать, кто прорвал стальную кольчугу! Важно то, что гореть теперь язычнику в аду веками! До бесконечности.

– Ты думаешь, Аллах его сразу бросит в ад?

– Конечно! Язычников не задерживают до Судного дня. Как только чарамы и чарамки – ох и стройные же они бабы!.. – предадут своего отца земле, так его джинны сразу же и утащут в пылающий огнем ад...

– Жалко мне его...

– Дурак! Опомнись. Кого ты жалеешь, язычника? Покайся быстрее, пока Аллах и на тебя не разгневался.

– Астахфируллах, астахфируллах³⁰...

Сыновья, дочери и внуки покойного, среди которых был все-таки и один мусульманин, муж самой младшей дочери покойного, шли, понутив головы, не смея отвечать на обидные слова единоплеменников.

– Бесстыдники! Во всем мире благородные люди уже пропели аш-шахаду, а они все еще молятся своим истуканам...

– Да еще и землю нашу теперь осквернят трупом язычника...

– Всю ночь, наверное, колдовали и молили своих богов о каре...

– Да одна крохотная сура сведет насмарку все их колдовство! Кулху валлаху ахад! Аллаху самад! Ламялид валамюлад валамякуллаху куфуван ахад³¹!..

Попавшие в немилость к хунзахцам свои же хунзахские уздени и в самом деле просили богов послать на головы всех хунзахцев огонь и молнии вместе с каменным дождем.

Некоторые хунзахцы из любопытства пошли вслед за Чарамам и, чтобы посмотреть обряд захоронения язычников. Но там, у Белых скал, язычников уже ждали вооруженные мечами и саблями ревнители веры. Их было человек двадцать против четырех мужчин, трех подростков и шести женщин с ребятишками.

³⁰ Покаянное восклицание (араб.).

³¹ Сура из Корана: «Скажи, Бог один, он един, никем не рожден, никого не родил, вечно сущим был и не равен ему ни один» (Пер. Крачковского).

На покрытом огромными камнями клочке земли лицом к лицу столкнулись безоружные язычники с вооруженными иноверцами. Их горящие злобой глаза не предвещали ничего хорошего. Во главе вооруженных мечами и саблями мусульман стоял старший сын имама соборной мечети Ибрапил. Его намерения с первого же взгляда были ясны: он и те, кто стоял на нем, не собирались даже увещевать неразумных, они сразу взяли их в окружение и обнажили клинки.

Из лабиринтов причудливо торчащих из земли скалистых белых глыб, величиной с двух-трех-и-четырёхэтажные дома, вырваться было невозможно. Узкие проходы между скалами плотно закрыли собой ревнителю Ислама. Язычники опустили на землю гроб и взялись за камни.

– Бисмиллахи ррахмани ррахим! – крикнул Абдурахман. – Руби проклятых Аллахом язычников!

Похоронная процессия пришла в отчаяние – камнями из-под ног много не навоюешь против мечей и сабель. Но беда, как черная птица, по воле судьбы в эту же минуту была обескрылена, словно сраженная метким лучником.

– Повиновение! – раздался, как гром с ясного неба, могучий голос первого тысячника Аварии Шахбанилава. – Кто осмелится поднять оружие, будет казнен на месте! Приказ Светлейшего Нуцала – не трогать Чарамов! Вы слышали меня, безмозглые твари? Думаете, ваша жестокость угодна Аллаху? Я вам докажу, что нет. Вложите свои мечи и сабли в ножны, если не хотите попробовать острие моего меча!

Над высокой скалой, ожидая нечто подобного, оказывается, уже сидели, как в засаде, придворный философ и знаменитый воитель с тремя своими слоноподобными нукерами.

– О неразумные! – воскликнул Гамач, обращаясь к поджавшим свои хвосты ревнителям веры, которые быстренько спрятали свои клинки в ножны. – Разве подобает мусульманам проливать кровь безоружных?! Тем более, женщин и детей? Во имя Милостливого и Милосердного прочь отсюда!

Они спустились со скал к утихомирившимся фанатикам веры.

– Может быть, вы не знаете смысла символа «бисмиллахи ррахмани ррахим»? Так пойдите и узнайте сначала, может, и вразумит вас Аллах светлой идеей человечности...

Ревнители веры, понутив головы, двинулись от Белых скал в сторону Хунзаха, а тысячник Шахбанилав, Гамач и трое нукеров отошли на значительное расстояние, чтобы не мешать язычникам исполнять свой обряд захоронения.

Язычники решили не идти дальше, к своим пастбищам, вырыли глубокую яму под скалой, накрыли гроб крышкой, связали его соломенной веревкой, не очень туго, чтобы легко открылась крышка, когда покойник очнется, согласно их верованиям. Рядом с гробом положили его любимый серебряный кубок, которым он так гордился, рассказывая всем, что он честно поступил с его прошлым владельцем – забрал кубок лишь после того, как зарубил его в бою. А к кубку положили кувшин, такой же серебряный и имеющий столь же

воинственную историю. Положили в могилу еще и лук с колчаном стрел и новые сафьяновые сапоги, подаренные ему младшей дочерью совсем недавно. Зар так и не успел надеть их, чтобы покрасоваться перед хунзахцами. Каждый из внуков положил вчетверо свернутые листы желтоватой бакинской бумаги, на которых они ночью написали письма сыновьям Бечеда, великим аварским богам.

Засыпав могилу, Чарамы разровняли землю и пересадили на нее куст молодого шиповника.

Они долго молились тут своим богам, пританцовывая, хлопая в ладоши и подпевая себе древние гимны о загробном мире, где боги дают пиры в честь героев. Мужчины и мальчишки, женщины и девочки то падали ниц, сокрушаясь от горя, то вставали и громко смеялись, а то и вовсе начинали бегать по кругу, хлопая и выкрикивая имена богов, в которых они верили, как в своих покровителей, имеющих реальную силу над законами природы.

– ...Как бы я хотел, чтобы они приняли наконец-то Ислам, – задумчиво проговорил Шахбанилав, до ушей которого иногда доносил ветерок слов язычников. – Хоть и крепкие парни у этих Чарамов, но недолго они продержатся среди нас, мусульман. Да и мне самому неприятно, что они не такие, как мы. Вот только убивать их за это – сущая дикость!

– Да, мой друг, ты прав... Времена религиозных союзов в Аварии прошли безвозвратно. Им надо или принять Ислам, или сменить Родину, покинуть нашу священную страну

навсегда...

Они дождались, пока семейство Чарамов отправится в город, и сами двинули вниз, пустив вперед нукеров.

– Ты заметил? – спросил философ воителя. – Во время пира Нуцал посадил в подземелье Абурахима...

– Нет, – качнул головой воитель.

– Когда в разговоре шамхал сказал, что форель не водится в соленом море, Нуцал разгневался на визиря.

– Да? А причем здесь форель?

Гамач рассказал, как прошлым днем Абурахим решил щегольнуть красноречием и привел в сравнение форель в волнах Каспия, а он тут же подметил его незнание. Нуцал, и так злой на визиря, тут пришел в негодование. Все знают, как раздражают Владыку невежественные речи.

– Знаю, знаю, хотя и сам он, к великому моему сожалению, не блещет умом. Только с этим ничего не поделаешь, он – монарх, а я – слуга, солдат Престола аварского.

– Твои слова подтверждают еще и то, что визирь не пробыл в темнице и одного часа.

– Как так? – сильно удивился Шахбанилав.

– Вмешалась Нажабат-нуцалай. Она сама явилась в тюремный двор и приказала страже освободить Абурахима.

– Неужели подчинились?

– Выходит, что да, – пожал Гамач плечами.

– Аллах Великий, – тихо, одними губами промолвил воитель, словно на пустыре, возвышающемся над гордым Хун-

захом его кто-то мог слышать, – я и раньше замечал нечто подобное – не абсолютна власть Мухаммад-Нуцала на Престоле...

Гамач печально улыбнулся.

– Значит, нет в Аварии единовластия. И надеяться на лучшие времена не приходится. Большинство узденей живет бедно а рабы – и вовсе на положении скота. Ханы и беки лихоимствуют, словно самим Аллахом они избраны господствовать, ничего не отдавая народу взамен.

– И самое печальное, мой друг, Нуцал понимает это, а прогнать со двора Абурахима, как я теперь думаю, не может... Его сестра и племянники дорожат этим мздоимцем.

– Ты хочешь сказать, что Абурахим отдает им часть от получаемой мзды?

– Я подозреваю, что это так. Что же еще их может связывать? Они люди далекие от идеи и забот о народе. Ведь среди них есть и более достойные стоять у Престола справа, но, однако, уже много лет судебными тяжбами ведает только Абурахим.

– Я и сам замечал, как Абурахим, вынося свои преступные приговоры, с легким сердцем клянется на Коране. Кто бы еще стал так гневить Аллаха и нарушать клятву, не боясь Судного дня? Он, наверное, не верит в Аллаха. Как думаешь, Гамач?

– Вряд ли. Чтобы отвергнуть веру, нужен ум, а его у него, как раз таки нет. Он просто из тех, кто верует, считая, что

Богу он ближе и милее прочих мусульман и гибель правоверного ничто по сравнению с тем, что желает его чревоугодливая душа.

– Неужели и так можно верить в Бога? – поразился воитель.

– Бывает еще хуже, ибо душа человека, лишенная совести, бездонна и открыта для грязи.

– Что же обо всем этом думает Мухаммадмирза-хан? Он ведь, как я слышал, недолюбливает старшую сестру и ее пятерых сыновей.

– Трудно сказать. Жизнь покажет. Я уже обращался к нему по поводу салатавского галбаца, сразившего в поединке чанку...

– И что же сказал равноправящий хан?

– Сказал, что допросит кумыков, которые слышали слова, из-за которых простой уздень осмелился задеть чанку... Пайзу-бек негодует, требуя казнить салатавца.

– Но, насколько я знаю от нуцальских нукеров, чанка сам вынудил его сражаться. Салатавец даже кольчугу скинул, чтобы их шансы были равны. И что же теперь не устраивает бека?

– Поражение, друг мой, горькая вещь. Перед ослепленным чувством мести меркнут всякие законы справедливости и даже шариат. Но это уже ты сам знаешь не хуже моего.

* * *

Через несколько дней, после того как улеглись страсти, вызванные рождением царевича, семейство Чарамов, с высочайшего дозволения Нуцала, приступило к распродаже своего имущества. Они продавали свои пахотные земли, сенокосы и пастбища, доставшиеся им по наследству от предков. Желających купить эти уголья оказалось довольно много, но платить их истинную цену никто не хотел. Один только пахотный участок на покато́м склоне стоил не меньше ста золотых рублей, ибо собирали с него столько зерна, что хватало на зиму десяти ртам. А таких пахотных угодий было у Чарамов много.

Рабы Чарамов плакали, не желая расставаться со своими хозяевами, но их тоже, было объявлено, продают вместе с имуществом. За рабов-пастухов давали всего три-четыре серебряных рубля тифлисской или бакинской чеканки, которые были вдвое дешевле русского рубля. А за рабов, прислуживавших в доме, во дворе и в хлеву, давали еще меньше – простой рабской силы хватало в Хунзахе. Иное дело – рабы – мастера кузнечного, суконного или кожевенного дела, а также рабыни-танцовщицы! Вообще красивые рабыни, умеющие кроить и шить одежду, играть на бубне, свирели, танцевать, стоили дороже всех прочих рабов, разве что за редким исключением. За раба-лекаря гоцатлинский бек предлагал хунзахскому узденю сто рублей серебром, но тот не продал его ибо в год раб-лекарь приносил своему хозяину хороший доход.

Торги покидающих родину хунзахцев продлились до самой поздней осени, когда в горах уже выпал снег и задули холодные северные ветра. Чарамы, проигрывая в одном торге, выигрывали на другом, причем достаточно крупно, чтобы не впасть в уныние. За пастбище вместе с отарой овец они получили золотыми вещицами. Правда, золота набралось не очень много, всего каких-то четверть пуда, но среди цепей, браслетов, сережек, колец, ободка с ручкой для небольшого зеркала и кубков с различными надписями и печатями затесалось одно ожерелье с двенадцатью крупными изумрудами. Гамач, едва завидя зеленые сверкающие на солнце камни, подсказал Шобаву, старшему сыну покойного Зара, что за эту вещь в крупных городах Европы и Азии можно купить целый дворец с садом и кучу мастеровых рабов, приносящих ежедневный доход.

И вот, когда уже все имущество, вплоть до дедовских и вновь построенных домов, было распродано, и хунзахцы, желающие купить рабынь, осаждали Чарамов, они объявили, что не продадут ни одного раба и ни одну рабыню. В память об их славном отце они даруют всем своим невольникам свободу! Но рабы не хотели уходить на свободу, ибо не знали, как ею распорядиться, хотя Чарамы оставляли им небольшие участки земли, чтобы могли прокормить себя. Нет, рабы не мыслили своей жизни без Чарамов, которые к ним хорошо относились.

Шобав вывел большое семейство вместе со всеми рабами

на дорогу под враждебные взгляды сотен хунзахцев, но сопровождаемые нуцальскими воинами язычники были надежно защищены от желающих поживиться их золотом и серебром. Куда им лучше ехать и, главное, как там жить, Чарамам несколько дней в подробностях втолковывал Гамач.

Через два дня пути на лошадях и арендованных у тысячника Шахбанилава фаэтонах они благополучно доехали до кумыкского города Тарки, но заезжать в него не стали, спустились по долине вниз, к берегу моря, где было небольшое поселение русских моряков и солдат. Тут находили пристанище богатые купеческие караваны, которые на парусниках добирались до Астрахани, оттуда по Волге плыли на север, где много больших богатых городов и хорошая торговля.

Нуцальские нукеры, удивленные тем, что Чарама пошли к морю, проигнорировав Тарки, вернулись в Хунзах. Об их маршруте никто не знал, кроме Гамача, который надеялся, что его двоюродные братья и сестры ничего не перепутают из его напутствий и сумеют на арендованном в Порт-Петровске корабле добраться до Астрахани, а оттуда – еще дальше, до Москвы. Там можно будет осмотреться и податься еще дальше на северо-запад, в столицу России – в блистательный Санкт-Петербург.

«Запомните, братья и сестры, – напутствовал их хунзахский философ, – христиане хоть и разделены на четыре апостольские церкви и бесчисленное множество сект, и все явно и тайно враждуют между собой, язычников ненавидят

столь же люто, как и мусульмане»...

Глава 4-я

Тихая зима

Шестимесячного Умахана, завернутого в пеленки и укутанного в меховое одеяльце, выносили во двор и на площадь, чтобы начал он обозревать великолепие зимнего Хунзаха. До слуха царственного младенца доносился еще не понятный ему громкий счастливый смех детворы. Он смотрел на резвящихся ребятешек с любопытством и улыбался, растягивая беззубый ротик. Все норовил выпутать из-под мехового одеяльца свои пухлые ручонки, чтобы прикоснуться ко всему, что являет жизнь его взору. Все ему было интересно, все привлекало внимание, даже остающаяся загадкой для взрослых снежная белизна.

Затем, когда он начинал чувствовать голод, Умахан терял интерес ко всему великолепию зимнего Хунзаха. И по тому, как кряхтел, брызгал слюной и кричал, становилось понятно, что пора кормить юного правителя.

Ханша кормила грудью Умахана только первый месяц. Потом уже за ним повсюду следовала молодая здоровая узденка по имени Меседу, тоже имеющая младенца. Она и кормила царевича грудью вместе со своей дочерью, которой посчастливилось стать молочной сестрой престолонаследника.

Как он визжал и восторгался, увидев котенка или щенка!

Как он требовал пушистое, очень странное и красивое существо к себе! Заполучив котенка, Умахан хватал его за шерсть и тряс с такой силой, что нельзя было этому не подивиться. Некоторые кошки царапали его пухлые ручки когтями и убежали, а он дивился тоненьким красным полосам на своих руках и, чувствуя боль, начинал плакать.

Ханша брала Умахана на руки и подолгу разговаривала с ним по-даргински, по-аварски и по-арабски, которым она владела очень хорошо, ибо еще девочкой ее возили в богатые арабские города, где кайтагские купцы успешно торговали своими товарами. Когда кайтагская принцесса подросла, у нее уже было много подруг среди арабских девушек, которые тоже приезжали к ней в гости с торговыми караванами. Одна из ее самых лучших подруг по имени Зулейха, из простого купеческого рода, осталась круглой сиротой. Большой караван, в котором она ехала с отцом и братьями до Дербента, чтобы оттуда уже с другим караваном добраться до Кайтага, разграбили каджарские разбойники вблизи города Шемахи. Отец и братья Зулейхи погибли вместе с другими купцами, которые защищали свой караван, а шестнадцатилетняя девушка попала в неволю к шиитам, вечно враждующим с суннитами. Она сумела убедить своих порабощителей, что принцесса Кайтага ее подруга и она даст им за нее выкуп. Баху выкупила Зулейху, и с тех пор она была рядом с ней как подруга и придворная узденка. Ей и поручила ханша свое самое дорогое сокровище – единственного сына-престолона-

следника.

Умахан с любопытством слушал нежное звучание голосов кормилицы аварки, няни арабки, сестер и многочисленных придворных женщин, но стоило прозвучать рядом материнскому голосу, как он тут же забывал всех окружающих и тянулся к ней.

Сестры Умахана, десятилетняя Меседу и семилетняя Хистаман, ссорились за право вынести братика в сад при замке, где дорожки были очищены от снега, а кусты жасмина и большие платановые деревья белели, словно их кто-то разodel во все зимнее, чистое и сверкающее в лучах солнца. Они безумно любили братика и придумывали для него чудесные сказки, вышивали на платочках его имя, добавляя к нему уже прочно утвердившееся «Большой» из-за крупного тельца. А когда таркинская наставница юных аварских принцесс уводила сестер на уроки по чтению Корана, арабскому письму и прочим обязательным занятиям, девочки молили Аллаха, чтобы их братик быстрее вырос и стал таким же большим и сильным, как их царственный отец.

* * *

Мухаммад-Нуцал большую часть времени зимой проводил в Хунзахском медресе, располагавшемся в старом двухэтажном доме, безвозмездно отданном джамаату Пайзу-беком. Это был большой дом с просторным двором, конюшней и хлевом для скота. Сюда стекались на зиму книгочеи, али-

мы и муталибы со всех концов Дагестана. Хунзахцы не скупались на пропитание муалимов и жаждущих совершенства в религии муталибов³², отчисляли из своих амбаров муку, сушеные туши баранины, говядины, большие круги сыра, бочонки с медом, овощи, соленья, халву и сахар.

В медресе было принято за правило вести ученые и религиозные споры только на арабском языке – не знаешь арабского, не лезь в дебри, штудируй Коран и хадисы, совершенствуй арабский и тогда, милости просим, дерзай. Но это правило редко соблюдалось; даже среди тех, кто по десять лет изучал богословие, было мало знающих арабский так, чтобы вести на нем споры.

Специальные собрания для религиозных дискуссий и споров в медресе открывались сразу после полуденного намаза и длились до предвечернего. Первую половину дня и долгие ночные часы муталибы учились в соответствии с программой, установленной медресой – советом богословов.

– Сегодня, дорогие братья, мы будем говорить о мунафиках... – начал свой урок престарелый Исмаил-хаджи, главный муалим медресе, потерявший в одном из военных походов против Купинского ханства правую руку и левый глаз. – Мунафики – это лицемеры, но не простые лицемеры, а самые опасные нечестивцы, и гореть им, как сказал Аллах, в геенне огненной на самом дне, где грешники будут испытывать

³² Муалим (араб.) – учитель-богослов; муталиб – ученик богослова, студент религиозного учебного заведения, медресе.

самые страшные муки и страдания...

В просторном зале второго этажа, на полу из грубо обтесанных топором досок, застеленных коврами и множеством овечьих и козьих шкур, собиралось порой до трехсот человек. Сюда приходили и совершенно безграмотные уздени, любящие послушать ученые и религиозные споры, и беки, и прославленные воины. И в этот крепкий морозный день, в присутствии Правителя Аварии, медресе было полно народу.

– Эти мунафики внесли раздор в умму Пророка (да благословит и приветствует его Аллах). Неразумные до сих пор враждуют с истиной, ниспосланной на землю, чтобы люди могли избежать страданий и бед в этой жизни и вечных мук после смерти. Не знают люди, что для них хорошо, а что плохо...

Мухаммад-Нуцал как простой уздень сидел, скрестив ноги на ковре, в гуще народа. Главный муталиб дал слово одному из хунзахских алимов по имени Алиасхаб, который, прочитав традиционную молитву, начал свою речь:

– Праведного халифа Османа (мир ему), радевшего за умму Пророка (да благословит и приветствует его Аллах), оклеветали мунафики. Выдавая себя за правоверных, они пытались направить против него мусульманские войска. Но мудрые шейхи разоблачили их, открыли глаза правоверным воинам, которые потом разгневались на мунафиков. И бежали эти мунафики в страхе перед шариатским судом и гневом Всевышнего, но никуда они не убегут от Аллаха! А Иблис

презренный все наущает и наущает грешников, не желающих раскаиваться в своих злодеяниях.

И выбрал в один из черных дней Иблис грязного еврея, когда амиром всех мусульман стал третий халиф Осман (мир ему), и научил его коварным мыслям, и отправился этот грязный еврей в мечеть, где в одиночестве молился праведный Осман (мир ему и благоденствие Аллаха). Халиф был столь озарен мыслями о Всевышнем, что даже не заметил, как грязный еврей подкрался к нему. И тогда, наущаемый шайтаном, еврей вынул спрятанный за пазухой нож, ударил им в спину праведного халифа и пролил драгоценную кровь...

Выступающий красноречиво умолк. Злодеяние грешника ему показалось столь бесчеловечным, а трагедия халифа – столь безвинной, что он не стал дальше рассказывать о том, как тут же схватили тогда убийцу и буквально разорвали на части. Он сразу перешел к повествованию о четвертом праведном Халифе Али (мир ему). Много было сказано им добрых слов, полных любви и преданности великому борцу за Веру, которого северокавказские горцы называют Алиасхабом.

– Халифа Али (мир ему и благоденствие от Аллаха) тоже убили мунафики. Убили и свалили это великое преступление на нас... на суннитов...

Слушатели разом пришли в гневное волнение:

– Как они смеют, грязные мунафики! Ни стыда, ни сове-

сти...

Муалим Алиасхаб так расчувствовался, что не мог больше говорить. Его правоверную душу распирали любовь к праведным халифам, осознание значимости событий того времени и понимание вечной истины, ниспосланной в Коране. Он сошел с алтаря, опустился на ковер и, закрыв глаза, шептал аяты Корана. Главный муалим медресе Исмаил-хаджи сказал несколько слов благодарности Алиасхабу, похвалил его за глубину понимания Ислама и дал слово другому алиму по имени Доного Ахмад, приехавшему из небольшого гидатлинского села.

– Мунафики, убив Алиасхаба (мир ему и благоденствие от Аллаха), затеяли вредный и бессмысленный спор с правоверными, – несколько академично начал свою богословскую речь гидатлинец. – Мунафики стали измышлять несусветную ложь в среде мусульман: они утверждали, что сунниты сокрыли последнюю суру Корана, в которой якобы говорится, что сам Аллах передает после пророка Мухаммада (мир ему) власть над мусульманами Халифу Али (мир ему). Но ведь Али (мир ему) был эмиром мусульман! И не таков он, праведный Халиф (мир ему), чтобы возгордиться над старшими братьями по вере – Абубакаром, Омаром и Османом (мир им), которые правили правоверными до него. Так мало им, мунафикам, этого! Они хотят еще, чтобы правоверная власть передавалась по наследству...

Мухаммад-Нуцал невольно улыбнулся при этих словах,

а хунзахцы замерли.

– Нет в религии Аллаха династии! – продолжал между тем гидатлинец, не знавший в лицо наследственного Правителя Аварии. – Есть лишь священная умма Пророка (да благословит и приветствует его Аллах), из которой повелел Аллаху Таала выбирать эмирами и имамами самых знающих, самых благородных и самых богобоязненных, которым и должны подчиняться мусульмане...

– Постой, постой, уважаемый алим! – вскинулся вдруг один из хунзахцев, не ахти какой книгочей, да и языка арабского не знающий, но способный легко отличить белое от черного и складное от нескладного. – Что-то я тебя, уважаемый гидатлинец, не очень понимаю. Ты говоришь: нет в Исламе династии? А как же тогда наш Нуцал? Он ведь получил власть по наследству и передаст ее так же, сохраняя династию великих Сариров...

Гидатлинец, сбившись с мысли, не успел ответить, как еще кто-то выкрикнул:

– Вы что, не понимаете? Гидатлинец хочет уверить нас в том, что самым знающим, благородным и богобоязненным среди аварцев является не кто иной, как он сам!..

Медресе взорвалось от смеха. Многие смеялись, утирая слезы, заподозрив в гидатлинце если и не прямую претензию на власть в Аварии, то затаенное желание властвовать – точно. Гидатлинец покраснел и начал было что-то быстро говорить, оправдываясь, но его уже никто не слушал – его го-

лос тонул в общем шуме собрания. Смеялся и Нуцал вместе со всеми. Главный муалим, настоятель медресе, опасливо поглядывал на монарха и уже готовил свои извинения за гидатлинца, которому он дал тут слово. Но Правитель, судя по его благодушному виду, и не собирался что-то говорить, а тем более, наказывать незадачливого богослова. Тогда Исмаил-хаджи поднял кверху свою единственную левую руку и, сверкнув единственным правым глазом, потребовал тишины.

Люди стали понемногу успокаиваться.

– Братья-единоверцы! Мусульмане! Правоверные...

– Тихо, тихо, дайте послушать Исмаила-хаджи!

– Я так думаю, правоверные, что наш гость не имел в виду династии ханов, без которых народы превращались бы в сброд пьяниц, развратников и разбойников. Нет! Гидатлинский алим хотел сказать, что в Исламе нет династии, которая правила бы всеми мусульманскими народами, как это хотел шиитский владыка Надир-шах Афшар...

Тут собрание снова притихло.

– Но наш Светлейший Правитель Аварии Мухаммад-Нуцал разгромил персов, как лев – шакалов. Надир-шах трусливо бежал из Дагестана, потеряв здесь свою хваленую саблю...

– Это, конечно, истинная правда, но давайте же, аварцы, послушаем еще раз гидатлинца, пусть он сам скажет, что имел в виду, когда говорил, что нет в Исламе династии! –

потребовал один из хунзахских беков, состоящий в родстве с Нуцалом и, похоже, недовольный речами гидатлинца.

Опять зашумело собрание. Все хотели услышать объяснения от самого гидатлинца, который, поймав красноречиво укоряющий взгляд настоятеля медресе, встал и коротко пояснил:

– Да, мои дорогие братья по вере, я имел в виду то, что так хорошо за меня пояснил достопочтенный муалим Исмаил-хаджи. И добавить к тому, что он сказал, мне больше нечего.

Хунзахцы разом успокоились. Но в их головах роились недобрые мысли: «Беда с этими гидатлинцами... То воровать и разбойничать под покровом ночи являются в Хунзах, то лови их по всей скалистой Аварии, то династию Сариров ставят вне исламского закона.

Доколе же терпеть от них, неблагодарных вассалов, такую наглость! А этот, слава Богу, оказался покладистей, чем другие смутьяны. Такие, как Хочбар, например, который на службе у Андуника Третьего купался в щедротах, как форель в волнах Аварского Койсу. Но, возгордившись, начал враждовать с хунзахцами, а затем и вовсе разбойничать. Но в конце концов его поймали и казнили».

– А скажи-ка нам, алим гидатлинский, – поднялся на ноги еще один хунзахец, хоть и не бек, но тоже из рода нуцалов и довольно богатый уздень. – Это правда, что гидатлинцы говорят, будто ваш Хочбар сам прыгнул в костер, схватив

двух царевичей?

– Не знаю, уважаемый, я об этом не слышал, – ответил незадачливый оратор, не поднимаясь с места.

– Как так?!..

– Ты что, давно на родине не был?

– Может, он и про Хочбара ничего не слышал?

Отовсюду неслись язвительные смешки.

– Ох уж наши хунзахцы! – вскипел вдруг Исмаил-хаджи. – Упаси Аллах попасть вам под язык! Сколько можно об одном и том же! Сказал же вам человек, так и так. Что вам еще нужно?

Мухаммад-Нуцал не вмешался, и собрание стало успокаиваться. И уже до самой предвечерней молитвы, пока звучали здесь речи ораторов, никто не донимал гидатлинца. А после намаза Мухаммад-Нуцал отправился в замок, так и не проронив ни слова по спорным вопросам, что только подняло его авторитет среди хунзахцев и их гостей. Через неделю вся Авария говорила об этом недоразумении на религиозном собрании. А еще через месяц, обрастая все новыми и новыми подробностями, рассказ о гидатлинце и Нуцале звучал по всему Дагестану в самых немыслимых вариациях. Порой выходило, что в Хунзахе появился новый Хочбар и открыто претендует на аварский престол.

* * *

Ночью, встревоженная страшным сном, в покои супруга

прибежала ханша.

– О, мой славный Повелитель, мой единственный Владыка, – чуть ли не плача причитала она, теребя Нуцала за плечо.

– Что такое? Дерзкие гидатлинцы посягли на Престол? – проворчал Нуцал, пробуждаясь ото сна.

Ханша зажгла второй светильник, горящий на цунтинском хвойном масле почти не чадя. В спальне стало светлее. Он протер глаза и уставился на супругу. Ее черные шелковистые волосы были растрепаны, а белое ночное платье из прозрачного шелка открывало взору сводящее с ума тело тридцатишестилетней ханши. Ее глаза блестели, лицо пылало от жара, на лбу и щеках серебрились бисеринки пота. Вздыхающиеся от тяжелого дыхания налитые груди растопили остатки сна Нуцала, зажигая его, как и много лет назад, непреодолимым желанием. Он протянул к ней руки...

– Я же говорил, что эту ночь тебе лучше провести в моей спальне...

– Не в этом дело, мой дорогой. Я видела страшный сон...

– Когда горит огонь любви, страшные сны становятся блаженной явью...

– Хорошее изречение, мой дорогой, но не пойми меня превратно, – зашептала она на ухо супругу, словно здесь их могли услышать. – Я боюсь, что это вещий сон, что над домом нашим нависла тайная угроза...

– Глупо бояться, любовь моя, того, что предначертано

Творцом добра и зла. И потом, мы разве не сильны?

– Если ты об Аллахе и о войске нашем, то да, я с тобой согласна. Но как быть с тем, что угроза тайная...

Нуцал отстранился от супруги и прошелся по комнате, выглянул в окно. В свете зимней луны сад белел снегом, в Хунзахе была тишина и умиротворение, словно в раю, где нет места грехам и преступлениям и даже нечестивым помыслам. Он подбросил на тлеющие в камине угольки несколько березовых поленьев и повернулся к жене.

– Рассказывай про сон, я уже проснулся совсем и вряд ли уже сомкну глаза до утра.

– Говорят, ночью нельзя рассказывать про сон...

– Можно. Я разрешаю.

– Это богохульство?

– Нет. Прими это как толкование соответствующих аятов Корана. Ну, и что ты видела во сне?

– Крушение. Я видела, как окружающие великое аварское плато вершины сотрясаются от сражения двух чудовищ. Не знаю, что это было, я не поняла, кто они – люди или звери. Но все сражались! Сражались и гибли, а наш гордый Хунзах пылал огнем, дворцы превращались в пепелища. А ты во всем белом смотрел на Хунзах с высоты, откуда-то с облака, а я злилась на тебя за твою бездеятельность...

– А ты? Что делала ты?

Не знаю, дорогой. Я тоже была где-то высоко, поблизости с тобой. Я даже кричала тебе, но ты меня не слышал.

А сражение не прекращалось. Защитники Хунзаха гибли, огонь один за другим пожирал дома... Господи Милостивый, я не помню всего, что видела, лишь знаю, что это был самый ужасный сон в моей жизни...

– Значит, это предвестник самого прекрасного, что только может быть в нашей монаршей жизни, – заключил Нуцал.

– Почему ты так уверен?

– Потому что от созерцания чего-то подобного ты меня и разбудила. Только я видел не чудовища, а людей. Гидатлинского старца, который дает в руки своего внука горящий факел и говорит: «Иди на Хунзах! Докажи миру, что не аварский Престол вечен, но шариат, провозглашающий власть правоверных...»

– А дальше? Что он еще сказал?..

Нуцал рассмеялся, видя, как серьезно относится ко сну ханша.

– Ты не дала мне дослушать, я проснулся.

– Надо схватить этого гидатлинца, который читал проповедь о том, что нет в Исламе монархии, но лишь избранные имамы...

– А ты откуда об этом знаешь? Неужели видела во сне? – хитро улыбнулся Нуцал.

– Нет, не во сне. Мне об этом рассказал мой казначей, который присутствовал на богословском собрании.

– Схватить, говоришь? А зачем? Чем могут повредить слова убогого богомольца, мнящего себя великим имамом?

– Не знаю. Но раз это он дает внуку факел, значит, его внук и предаст огню наш город...

– Ничего более глупого в своей жизни я не слышал. Если я тебя послушаюсь, то весь Дагестан будет надо мной смеяться. Лучше иди сюда и забудь все свои страхи. Недаром же сказал пророк: «Наслаждайтесь в молитвах, но более всего на свете любите женщин!»

* * *

Под утро, еще до азана муэдзина с минарета соборной мечети, в ворота замка громко постучались. Старший дворцовой стражи, кудав-нукер³³, по имени Дибирали вышел к просителям. Их было трое – уздени из далекого аварского села, примчавшиеся по снежным дорогам с тревогой и просьбой о высочайшем порядке. Уже два дня, как не утихают распри между семьями двух знатных узденей, причем состоящих друг с другом в родстве. Они дерутся. Пока еще на кулаках. Но, похоже, им уже не остановиться и скоро они возьмутся за оружие, прольется кровь.

Дибирали тут же поднялся наверх и постучал в дверь покоев рукояткой меча. Через запертую дверь ответила невольница. Кудав-нукер изложил ей суть дела, а та, имеющая право входить в покои, доложила Нуцалу о просителях.

– Видишь, дорогая, к чему был наш сон, – сказал Правитель, одеваясь.

³³ Старший воин, эквивалент европейского звания сержант (авар.).

– Не уходи, ты можешь послать нукеров, – попросила ханша сквозь сладкую дрему.

– Я хочу сам послушать моих вассалов.

Нуцал спустился вниз, куда велел впустить приехавших ночью просителей, и сам выслушал о происходящих в их селении беспорядках.

Все началось, оказывается, с безобидного состязания в метании камня. Кто-то из двух малых галбацев, не желая признать свое поражение, затеял спор. Началась драка. Их разняли. Но соперники снова вышли на заснеженную поляну и стали метать камни, опять заспорили и подрались. На сей раз в драку влезли братья одного из атлетов и побили противника. Тот привел на поляну своих братьев, и те побили этих. Затем драка началась уже в селении, в ней приняли участие еще и двоюродные, и троюродные братья. Дрались целый день. Мирились и на второй день снова дрались. Уже несколько человек с обеих сторон лежат в постели без сознания. Несколько человек получили увечья. Ни старики, ни женщины не в силах удержать молодых, возгоревшихся друг на друга неистовой злобой.

– Дибирали, – произнес Нуцал, немного поразмыслив, – после намаза возьми два десятка нукеров и поезжай с ними. Приведи к повиновению драчунов под страхом казни на площади. И не забудь заглянуть в их амбары и хлева. Похоже, у них много муки и скота жирного, раз силу девать некуда. Отбери половину. И если после этого они не перестанут

враждовать, извести их о моей воле: задавлю такой податью, что рабам будут завидовать. И последнее... – Нуцал, еще немного подумав, добавил: – Если среди враждующих окажутся искусные рубаки, пригласи их на «бидул къец³⁴».

Через пять дней вернулся отряд нукеров с овцами – около пятисот голов и крупного рогатого скота – около полсотни голов. А с ними приехал в аварскую столицу и один из виновников драки, желающий поучаствовать в поединках с неизвестными противниками.

Тихую зимнюю жизнь хунзахцев, кроме богословских споров, зажигали еще и воинские турниры, которые не обязательно заканчивались гибелью одного из дерущихся, ибо победителем считался тот, кто сумеет выбить меч у противника или вынудит сдаться под натиском. Но нередко бывали и настоящие бои, когда кровник вызывал на поединок своего врага, и бились они до последнего издыхания. Месть победителю со стороны родственников запрещалась под страхом казни.

Этот драчун из далекого села тоже не потерял на турнире свою буйную голову. Ученик Шахбанилава показал хунзахам высшее мастерство – поигрался с малоопытным в боях узденем, как кот с мышью, трижды выбивая меч из его рук, и под конец, ударив плашмя мечом по голове, оглушил упрямого соперника. Когда очнулся, тот уже был вне арены. Он поклялся, что больше не будет ни с кем драться, и уехал

³⁴ Кровавое состязание (авар.).

в свое село пасти овец, ибо понял, что в этом его высшее предназначение.

На западной окраине Хунзаха располагалась арена поединков – небольшая круглая площадка, обнесенная стеной в форме кольца, на дне довольно большого котлована, вырытом неизвестно сколько веков назад. Здесь проходили и славные турниры, и жестокие поединки с целью убить соперника, утолить давнюю жажду мести. Вокруг арены могли разместиться несколько тысяч человек.

В один из зимних дней, по настоянию Пайзу-бека, Нуцал дал свое высочайшее согласие на поединок с одноруким теперь уже салатавцем, который все это время находился в подземелье замка. Все уже знали причину того поединка на празднике по случаю рождения престолонаследника... И тем не менее салатавскому галбацу было предложено выйти на волю только через поединок (разумеется, если останется жив).

Шахбанилав попробовал было вмешаться, доказывая Нуцалу, что рана салатавца еще не совсем зажила, и проведенный полгода в подземелье воин слаб для борьбы. Но Правитель не внял просьбе своего лучшего воина и тысячника. Молодого однорукого салатавца вывели на арену сражаться с неизвестным ему противником. Кого Пайзу-бек выставлял против сразившего его сына, никто еще не знал.

– Во, глядите-ка на Шахбанилава, как он переживает за заступника своей овдовевшей сестры, – шептались вои-

ны в окружении Пайзу-бека, словно они были бы против, если бы кто-то заступился за их сестру.

– Славные горцы! – громовым голосом вскричал пузатый глашатай Даниял. – Следующий поединок сейчас состоится между паршивым салатавцем и-и!.. – глашатай намеренно выдержал паузу и вперил свой плутоватый взгляд в бека, восседавшего на бурке возле самой арены.

Пайзу-бек кивнул одному из своих племянников, молодому и довольно сильному воину, состоявшему в отряде его личных нукеров. Тот выскочил на арену в панцире, застегнутом ремнями.

– Вот он, молодой, славный бек Багавдин, который отомстит по справедливости и закону хунзахскому убийце сына Пайзу-бека!

Конечно, против Багавдина у салатавца не было ни малейшего шанса. Его обучали во дворе гоцатлинского бека такие воители, как уздень Лебалав Хасан и потомственный воин-невольник Пиричи. Шахбанилав знал этих мастеров рубки и их знатного ученика, чья совесть, однако, позволяла ему выйти против еще не оправившегося от раны и неволи бойца. Допустить этот поединок означало для непревзойденного рубаки Шахбанилава мириться с явным убийством заступника своей сестры. И хотя вмешательство было для него чревато враждой с могущественным беком и немилостью Правителя, все же он решился восстановить справедливость и, подойдя к Пайзу-беку, попросил:

– Отзови Багавдина или я выставлю вместо раненого льва одного из своих учеников...

– Что? – свирепо посмотрел на Шахбанилава бек.

– С Багавдином на поединок вместо Шахрудина выйдет Лекав, – сказал как отрезал Шахбанилав.

Пайзу-бек, хоть и подлец конченный, но далеко не дурак, знал, что против Лекава у его племянника шансов очень мало. Что же касалось самого Шахбанилава, уже несколько лет он выходил на арену сразу против нескольких противников и побеждал уверенно, почти играючи. Вот только власти ему не хватало устанавливать в Хунзахе справедливость: уздень против беков и, тем более, правителей не может быть прав, если даже прав совершенно.

– Хорошо, – процедил сквозь зубы бек и показал дорогим посохом, – вот он годится?

Это тоже был сильный воин и явно превосходил салатавца.

– Нет.

– Тогда кто же?!

– Предлагай, а я решу.

– Вот этот.

– Нет.

– Тогда вон тот...

– Годится.

Вышел молодой уздень, тоже из отряда нукеров Пайзу-бека. Шахбанилав его видел впервые, но наметанный глаз слав-

ного воителя безошибочно определил уровень мастерства и силы предлагаемого для поединка воина. Конечно, Шахбанилав мог ошибиться, но такая вероятность была очень мала. Хоть и выглядел воин статно – высокий, широкоплечий, откормленный, но бойцовского духа от него не исходило, глаза были тусклыми и движения какими-то скованными.

– Бой до победы! – огласил условие глашатай.

И бойцы сошлись на арене, скрещивая мечи без спасительных щитов, ибо один из дерущихся был без руки.

Первый удар нанес нукер бека; салатавец ушел в сторону, одновременно пройдясь по корпусу противника своим мечом. Стальная пластина панциря спасла бекова нукера. На салатавце тоже имелся такой же панцирь. Провалившийся было вперед нукер быстро развернулся и нанес несколько рубящих ударов подряд, вращая мечом почти у самого тела салатавца. Но тот отражал их уверенно, ибо страха перед смертью во время боя он не испытывал совершенно. Хоть и мало было сил после заточения в подземелье, салатавца спасали мастерство и ловкость. Подставлять меч под разящий удар клинка очень опасно: может сил не хватить, и клинок достанет-таки голову или иную часть тела. Отбивать удары бекова нукера следовало ударами. Мастерство салатавца, привитое ему Шахбанилавом изнуряющими упражнениями, спасало сейчас узника от неминуемой смерти. Он отступал, отражая удары по кругу, как бы вода противника за собой и выжидая удачного момента для решающего броска вперед.

Как ни странно, сытый, крупнотелый нукер устал гораздо быстрее узника и начал совершать не простительные для рубаки ошибки...

И вот он попался... Свой последний удар нанес он с большой отмашкой, не метясь, наугад. Было видно, как много сил он вложил в этот удар, от которого салатавец легко уклонился, позволяя противнику провалиться мимо себя. Нужное мгновение было выиграно – нукер сделал большой шаг, чтобы удержаться, и бок его при этом оказался совершенно незащищен. И салатавец вонзил в него полмеча, завершая поединок.

Нукер упал на арену замертво.

Полутысячная толпа зрителей оценила классическое мастерство калеки-воина и ликовала от восхищения.

– Ну, что ж, твой оборванец победил и на этот раз, – буркнул Шахбанилаву Пайзу-бек и, хохотнув, покинул арену поединков.

– Пусть знают в Поднебесной, что в стране Нуцалов перед законом все равны! – бросил воитель вслед беку.

Глава 5-я

Первая весна

В новом году поход на южные границы Аварии, простиравшиеся на многие версты по Кахетинской и Джаро-Белоканской долине, начался рано. Мухаммад-Нуцал вывел вой-

ско из Хунзаха, едва начал таять снег, и перешел перевал, рискуя попасть под снежную лавину.

С каждым днем солнце все сильнее припекало заснеженные вершины, и первая в жизни Большого Умахана зима зажурчала ручьями, защебетала звонкими трелями птичек, запахла подснежниками, ландышами и долгожданной, пробуждающейся от зимней спячки землей. Наступила весна.

Десятимесячный Умахан уже с трудом вмещался в свою инкрустированную драгоценными камнями люльку. Он уже легко выскакивал из рук его многочисленных нянек из числа родственниц и невольниц, делал удивительно торопливые и сильные шажки. Падая на четвереньки, толстенький, как медвежонок, малыш ползал по всему замку, пищал от восторга, завидя пробегающих мимо кошек или поющих за окном птиц. Казалось, ему было дело до всего, что являлось его младенческому, еще не отравленному превратностями судьбы взору. Для вооруженной стражи замка Умахан был настоящим бедствием. Он силился отобрать у них грозное оружие, столь популярное для всех придворных мира, – круто изогнутые по краям, большие, острые топоры-секиры. Но, конечно же, нянька Зулейха брала его на руки и уносила от стражи. Бывало, что десятимесячный престолонаследник, недовольный очередным запретом, царапал няньке лицо и бил кулачками, пронзительно вопя и выкрикивая несуразности, понятные лишь одному Аллаху. Создавалось впечатление, будто младенец уже понимает, что он царь и что

нельзя запрещать ему хватать то, что он хватает.

К нему стремилась вся дворцовая челядь, и в то же время его все побаивались; рядом с ним держались настороженно: он не знал меры ни в чем; бодрствовал, пока, выбившись из сил, не засыпал у кого-нибудь на руках или прямо на полу, застеленном коврами или хорошо выделанными шкурами.

В один из ласковых апрельских дней, залитых лучами солнца, растапливающих последние зимние снега, Меседу и Хистаман вышли в дворцовый сад погулять с братиком. Держась за руки сестер, Умахан делал по земле свои первые, неуклюжие шажки. В светлых беседках, выстроенных в арабском стиле – восьмигранником, укрытых от солнца плотным белым ситцем, сидели тети, дяди царевича и их гости. Они тут вели свои нескончаемые беседы о жизни, о старине, о товарах, которые они намерены были и этим летом отправить с чьим-нибудь надежным караваном в далекие страны, чтобы получить наилучший доход. Вокруг кустов жасмина бегали дети – двоюродные, троюродные и четвероюродные братья и сестры десятимесячного престолонаследника. Кто-то катался на качелях, кто-то упражнялся в прыжках с места, а восьмилетний Булач и еще двое мальчишек играли в догонялки. Убегая, они залезали на самое высокое в саду платановое дерево, на котором с толстых ветвей и в разных местах свисали три каната. Мальчишки забирались высоко по веткам и спускались на землю по канатам. Затем, по-новому: двое убегают, один – догоняет. Это здорово оттачивало си-

ду и ловкость мальчишек, мечтающих стать славными воителями, как Андуник Третий, прозванный Диван-ханом из-за честных судов, которые он вершил. А еще мальчишки очень любили купаться в бассейне. Прошлым летом они забирались на головы каменных статуй – львов, быков и драконов – и ныряли в довольно глубокий бассейн. Но сейчас было еще рано купаться, вода в бассейне – ледяная, снег только недавно растаял.

Сестры-царевны решили показать братику рыбок, подняли его на каменный бортик бассейна, и тут-то как раз и случилось то, чего так боялась мать-ханша. Умахана, увидевшего в хрустально-прозрачной воде причудливо красивые существа с красными точечками на боку, девочки не смогли удержать. Он потянулся рукой за рыбками и упал в ледяную воду. Меседу и Хистаман подняли крик, но малыш точно камень пошел ко дну. Достал ли он дна – в этом месте было по грудь взрослому человеку – одному Аллаху ведомо. Но малыш, барахтая руками и ногами снова показался над водой, всего на несколько мгновений, и снова ушел ко дну.

– Чего вы там орете, несносные девчонки? – сердито прикрикнула тетушка, старшая сестра их правящего отца, высунив голову из беседки.

– Умахан утонул!.. – в один голос закричали сестры.

– Что-о?! Шутить изволите, проказницы этакие, – пробурчала шестидесятитрехлетняя принцесса и, сев на свое место, продолжила прерванную беседу.

Отдыхающие в других беседках еще не поняли, чем вызван шум, как одна из невольниц, случайно проходившая в этот момент мимо, прыгнула в бассейн за сокровищем своей любимой госпожи. Нырнула очень неумело, но столь самоотверженно, что ангелы и джинны на небесах, наверное, взмолились, прося у Всевышнего милости к еще безгрешному престолонаследнику, и невольнице повезло. Она достала под водой малыша и подняла вверх, сама же при этом, не умея плавать, осталась в воде по самые брови. Одному богу ведомо, как она сумела продержаться малыша несколько мучительно долгих мгновений и в тоже время столь быстро-течных, что смерть подошла вплотную к царственному младенцу.

Один раз она оттолкнулась ото дна ногами и схватила перекосенным ртом спасительный воздух. Затем снова погрузилась в воду, но младенца сумела удержать над водой. Десяти- и семилетняя царевны тянули через борт бассейна свои руки к братику, но им было до него не достать. И тут к бассейну подоспела другая невольница, высокая, крепкая девушка. Она и дотянулась через бортик бассейна до малыша и вытянула его из воды.

Малыш, с перехваченным от холода дыханием, не мог еще плакать. Невольница быстро сняла с него мокрую одежду, завернула в свой шерстяной платок и крепко прижала к груди. У бассейна уже суетились выбежавшие из беседок люди, а рабыня продолжала тонуть в бассейне. Старшая сест-

ра Правителя кричала, словно кто-то специально бросил малыша в воду. Весенний сад был охвачен такой паникой и суетой, что стражник затрубил сигнал тревоги, очевидно решив, что кто-то неслыханно дерзкий напал на замок. Все были заняты созерцанием скукожившегося от холода царевича, страшно суетясь при этом и не зная, как ему помочь – малыш начинал плакать, а между тем невольница все еще оставалась в ледяной воде, скованная судорогой. Молодая рабыня, передав кому-то в руки малыша, прыгнула в бассейн за подругой. Беки, привыкшие спасать своих только на поле сечи, тут сообразили лишь накричать на невольниц, словно это они были повинны в опасном купании юного Правителя. Хотя вторая невольница тоже не умела плавать, рост ее был достаточно высок – вода в бассейне доставала ей до горла. Да, но ведь тонущую в прозрачной, как стекло, воде надо же было как-то доставать! А как ее достанешь, если не нырнуть за ней?! Страшная судорога совсем скрутила ее. Никогда прежде не нырявшая рабыня поняла, что промедление смерти подобно.

– А-аства-ац! Аствац³⁵!.. – отчаянно воззвала рабыня на родном языке и погрузилась в воду, приседая на ногах...

Один из беков даже возмутился:

– Кто такой этот Аствац? Если это языческий бог, то мерзкую рабыню следует отхлестать кнутом, чтобы знали и другие скрытые язычники, что нет от языческих истуканов ни

³⁵ Аствац (армян.) – бог.

пользы, ни вреда для людей. Только Аллах волен над землей и небесами...

– Какой ду-ра-ак! – протянула старшая царевна, глядя на бека. – Тут люди тонут, а он болтает...

Неизвестно чем бы все это закончилось: бек не соби-рался в ледяную воду за невольницами. Тут подоспел один из стражников, великаньего роста, который, отбросив в сто-рону секиру, шагнул прямо в бассейн, где вода ему была чуть выше пояса, и быстро вытащил тонущих невольниц.

– Вода еще холодноватая, чтобы купаться детям и женщи-нам, – чувствуя, как ужасно холодно, пробормотал воин, ко-гда вылез и сам.

Мокрые рабыни, в длинных платьях и кожаных чарыках, страшно затряслись от холода и судорог. Они не могли да-же стоять на ногах. Но тут, одной из последних, появилась в саду и сама ханша, которая приказала страже взять неволь-ниц на руки и отнести их в их комнаты, а другим невольни-цам приказала позаботиться о побывавших в воде, переодеть в сухую одежду и дать много подогретого вина.

Ханша забрала сына и, покрывая тело малыша горячи-ми поцелуями, унесла в свои покои. Скоро привели лекарей к царевичу, но она их сразу отправила к рабыням, прика-зав вылечить их. Малыша же своего принялась лечить сама, натерла его тельце пшеничным араком³⁶. Потом она укута-

³⁶ Арак водка, средневековыми лекарями использовалась в медицинских це-лях.

ла его ситцем, а сверху толстым шерстяным платком. Но малыш так горько плакал, что она сочла за лучшее раскутать его. Плачь стал слабее и сам он начал пытаться подняться на ноги. Мать помогла ему встать и даже отпустила ручонки. Малыш, как ни странно, стоял на ножках крепче, чем раньше. Потом он стал показывать маме на окно. Она взяла его на руки и понесла по коридорам дворца. Потому как малыш все время показывал на улицу, через застекленные окна, она вынесла его на террасу и долго гуляла с ним по тенистой стороне, подставляя голое тельце малыша прохладному весеннему ветерку. Умахан вскоре успокоился и уснул прямо на руках. И уже вечером малыш засопливил, стал кашлять и немного капризничать.

Взрослые сильно заболели. Невольницы надолго слегли в постель; великан-стражник, которому не пришлось с головой окунаться в ледяную воду, хворал всего три дня, потом снова занял свой пост на террасе замка.

Благодарная ханша щедро одарила спасителей царевича. Невольницам достались золотые украшения: серьги, ожерелья, колечки с камушками, браслеты, шелковые платья и теплые овечьи полушубки. И все это в качестве приданого – ханша решила выдать невольниц замуж за узденей, что само собой подразумевало свободу. А уздень-стражник получил целое состояние – сто серебряных рублей Санкт-Петербургской чеканки. Теперь он мог осуществить свою давнюю мечту – построить новый дом и взять молодую жену.

* * *

Мухаммад-Нуцал был в военном походе.

На аварские земли в Закавказье, в вилаятах Белокан, Закаталы, Тивидат и некоторые другие, претендовали грузинские и азербайджанские князья и ханы. Разбираться с ними порой приходилось очень круто, отстаивая право на исконные земли в кровавых боях.

В войске аварского Правителя, насчитывающем более пяти тысяч воинов, были еще сотни из Кайтага, Аксая, Казикумуха, Левашей, Табасарана и Цахура, добрую половину которых влили в семисотенный аварский отряд, доверенный для командования придворному философу, согласившемуся на приставку к своему исконно аварскому имени Гамач арабского Хусен. И таким образом Мухаммад-Нуцал заткнул рты имамам мечетей и бдительным в вопросах шариата алимам. Но главное – своей родне, которая никак не желала признать в этом мыслителе истинного мудреца, каких мало на свете. А теперь, раз книжника зовут Гамач-Хусен и в джамаате он совершает обязательные для всех мусульман намазы, открытых претензий к нему ни у кого не было. И Нуцал с легким сердцем назначил его тысячником, хотя философ никогда прежде не командовал даже десятком воинов. Но рядом с Шахбанилавом, как не без основания считал Нуцал, Гамач-Хусен легко справится с новым для него делом.

Теперь все зависело от военных успехов. Разгромят вра-

ги вверенное философу войско – будут порицать Нуцала за недалновидность, ну, а если он достигнет каких-то успехов – слава прибавится опять же Нуцалу, но и Гамач-Хусен, надо думать, получит влияние в стране. Спесивым бекам придется считаться с ним.

Сам же философ был не в большом восторге от того, что пришлось оторваться от книг, колб и склянок, от трав и по-разному пахнувших вещей в своих уединенных комнатах, куда не входили его жена и трое детей. Но такова была непредсказуемая воля Мухаммад-Нуцала, которому он не мог не повиноваться.

Гамач-Хусен в первые же дни добился того, что перед его корпусом, насчитывающим около тысячи семисот воинов, отступили без боя грузинские князья с превосходящим числом воинов. Это дало повод Нуцалу упрекнуть своих племянников, Османа и Курбана, обладающих титулами ханов, которые командовали тысячными корпусами. Правда, через несколько дней Осман-хан и Курбан-хан выдвинули против философа свои обвинения, стали прямо упрекать его в трусости и в незнании военного дела, считая, что нельзя было отпускать грузинские войска из окрестности аварского города Тивидат без боя или крупного выкупа. Когда же Нуцал им предложил привести доводы в пользу своих утверждений, то выходило, что вверенные Гамач-Хусену войска из числа аварцев, кайтагских даргинцев, лакцев и аксайских кумыков одержали бы бесспорную победу над четырьмя ты-

сячами грузинских воинов, независимо от того, что в корпусе Гамача было только тысяча шестьсот семьдесят воинов.

– Но где ваши доводы? Вы только утверждаете, как будто оружие воина есть лишь слова.

– Разрешите нам перейти грузинскую границу и мы представим тебе, Светлейший, самые лучшие доводы, – горячились сыновья Нажабат-нуцалай Осман-хан и Курбан-хан.

И Мухаммад-Нуцал, разбив лагерь в окрестностях города Белоканы, разрешил племянникам перейти грузинскую границу со своими корпусами.

...В военные походы некоторые богатые уздени брали и своих рабов, хорошо обученных драться на мечах, секирах и копьях. Бывало, что и они показывали чудеса героизма во славу Престола. И в двухтысячном аварском войске, которое вели племянники Нуцала, было сотни четыре или чуть больше рабов.

Две недели ждал Нуцал возвращения племянников, а когда они вернулись, вверенное им войско оказалось сильно потрепанным и поредевшим. Правда, подвод, груженных разным добром, было у них много. Но подробности их похода стали известны уже до того, как они вошли в походный шатер правящего дяди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.